

ПРАВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 19.

Воскресенье 9 мая.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. Ф. А. Вальтера, І. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. І. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) „Объ адвокатурѣ“.—М. М. Винавера. 2) Реформа порядка взиманія окладныхъ сборовъ.—М. 3) Вопросы о порядкѣ возбужденія уголовныхъ дѣлъ мировой подсудности.—Н. 4) Юридическая помощь крестьянамъ (Земскіе юрисконсульты). 5) Судебные отчеты. 6) Хроника. 7) Юридическія общества. 8) Библиографія: D-r F. v. Liszt und D-r G. Crusen. Das strafrecht der aussereuropäischen Staaten. В. Н. 9) Судебная и административная практика. 10) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку. Подписная дѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

„Объ адвокатурѣ“.

(Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго юридическаго общества 1 мая 1899 года).

I.

„Сословіе столь древнее, какъ магистратура, столь возвышенное, какъ добродѣтель, столь необходимое, какъ справедливость“,—такъ писалъ объ адвокатурѣ столпъ абсолютитской монархіи Людовика XIV, канцлеръ Дагессо.

„Только въ этой профессіи сохранилось мужество истины; только она была школою гражданскихъ добродѣтелей, гдѣ таланты и доблесть научались выступать въ защиту интересовъ народа передъ законодателемъ“,—такъ говорилъ объ адвокатурѣ сокрушитель монархій, Робеспьеръ.

„Они мятежники, виновники преступленій и измѣнъ; я желалъ бы урѣзать языкъ всякому изъ нихъ, кто употребитъ его противъ правительства“,—говорилъ объ адвокатахъ Наполеонъ I.

Откуда столь высокая аттестация съ одной стороны и такая ярая ненависть съ другой? Почему профессіи судебныхъ „болтуновъ“, призванныхъ защищать передъ судомъ частныхъ судебныхъ дѣла, суждено было стать школою гражданскихъ добродѣтелей? Отчего, наконецъ, она вызывала въ разныя эпохи преклоненіе и ненависть двухъ представителей одного и того же монархическаго принципа?

Адвокатура Франціи—прототипъ адвокатуры всего континента Европы—окрѣпла и расцвѣла благодаря особымъ историческимъ условіямъ, и только въ освѣщеніи этихъ условій возможно уяснить современный строй и истинную роль адвокатуры вообще. Появленіе адвокатуры на историческомъ поприщѣ совпадаетъ съ возникновеніемъ борьбы между средневѣковымъ укладомъ жизни и новою централистическою государственною идеею. Мѣстные провинциализмы обречены были на гибель; на мѣсто многоголоватаго феодальнаго организма становился монархъ; исчезалъ членъ сословія, корпораціи, и на смѣну ему шелъ гражданинъ государства; на мѣсто партикулярныхъ правъ становилось единое, всеобщее право. Среди всего запаса культурныхъ средствъ, которыми обладало въ то время человѣчество, не было ни одного болѣе пригоднаго для осуществленія этой великой миссіи, чѣмъ римское право. Оно было воплощеніемъ античнаго гения и потому окружено ореоломъ особаго величія; оно было универсальнымъ правомъ универсальной монархіи; оно было такъ стройно и полно, что, казалось, стоило только въ него углубиться, и отвѣтъ на всѣ сомнѣнія пытливаго ума, на всѣ запросы совѣсти будетъ найденъ. Оно стало предметомъ религіознаго культа,—оно представлялось воплощеніемъ чистой идеи справедливости.

Проводники, насадители юридическихъ началъ—ученые легисты, адвокаты—не просто

мастера опредѣленнаго ремесла, они священнослужители ордена. Сознвая святость своей миссии, они сплачиваются въ союзъ, но союзъ этотъ выдвигается изъ ряда прочихъ даже своимъ названіемъ: онъ не цехъ, не корпорація—это слишкомъ низменно,—онъ именуется „сословіемъ“, *ordre*, съ такимъ же правомъ, съ какимъ именовалось такъ рыцарство. Повседневная въ обычныхъ условіяхъ работа юриста—проведеніе въ жизнь правовыхъ началъ—окружается особымъ нимбомъ, потому что эта работа есть лозунгъ эпохи, потому что она не въ абстрактномъ только построеніи, а конкретно, въ приложеніи къ живой общественной группѣ, выступаетъ какъ сила творческая, глядящая въ будущее; созидаящая идейное основаніе грядущему государству. Этой силѣ покровительствовали короли, передъ нею трепетали феодалы; ее то государственный канцлеръ считалъ „возвышенною, какъ добродѣтель, необходимою, какъ справедливость“.

Но времена перемѣнились. Сплотившаяся во едино монархія почувствовала свою крѣпость; принципы права лишились въ глазахъ ея своей обаятельной силы; государство провозгласило само себя источникомъ права. Нѣтъ права какъ силы самодовлѣющей, выше государства стоящей,—а если нѣтъ культа, то не нужно и священнослужителей. Государство само можетъ справиться со всѣми функціями.

Потому-то офранцуженный король Пруссіи, представитель просвѣщеннаго абсолютизма, одѣваетъ своихъ адвокатовъ въ прусскіе мундиры; потому Наполеонъ I желаетъ урѣзать языкъ всякому, который употребить его въ защиту права противъ правительства.

Сами священнослужители не теряли, однако, представленія о святости своей миссии: они претерпѣли всѣ бури, являясь оплотомъ права среди смѣняющихся политическихъ теченій, и донесли свой палладіумъ до лучшихъ дней—до нашихъ дней.

Современное государство чуждо сознанію своего вседѣяствія. Оно не только признаетъ самодѣятельность общественныхъ группъ, связанныхъ единствомъ опредѣленныхъ цѣлей: оно признаетъ прежде и главнѣе всего совершенную обособленность, независимость—я бы сказалъ, особую святость—той функціи, которая состоитъ въ примѣненіи права. Судъ, независимый отъ административныхъ вліяній, судья несмѣняемый,—государственная власть, какъ сторона въ процессѣ, подчиненная другому, высшему началу,—все это вѣхи, вбитыя въ современный строй идеей правового государства.

Рядомъ съ независимымъ судомъ,—направляясь къ однимъ съ нимъ цѣлямъ, но нѣскольکو иными путями,—становится независимая адвокатура. Усложненныя житейскія отношенія дѣлаютъ ее необходимой для суда; безъ нея, какъ выражается одна старая записка временъ реформы, „совсѣмъ невозможно точное и пол-

ное объясненіе дѣлъ“. Содѣйствуя этому объясненію дѣлъ, т. е. подведенію дѣйствительности подъ общія правовыя нормы, адвокатура исполняетъ часть судебной функціи,—она осуществляетъ право.

Только по волѣ случайныхъ историческихъ судебъ эта основная функція ея превращалась до сихъ поръ въ орудіе политической борьбы: адвокатура объявлялась то школою гражданскихъ добродѣтелей, то гнѣздомъ измѣны. Истинная ея, самостоятельная, не случайная роль забывалась. Вслѣдствіе этого съ одной стороны въ средѣ самой адвокатуры зарождалось невѣрное, преувеличенное представленіе объ ея задачахъ, съ другой — и это особенно печально отразилось на ея судьбахъ—адвокатура стала служить пугаломъ для всѣхъ яркихъ представителей государственнаго начала. Императоръ Николай I, когда ему наметнули на необходимость введенія адвокатуры у насъ, съ ужасомъ воскликнулъ: „Адвокаты погубили Францію. Кто были Мирабо, Марать, Робеспьеръ и другіе? Нѣтъ, пока я буду царствовать, Россіи не нужны адвокаты; проживемъ и безъ нихъ“. Между тѣмъ уже одно то, что адвокатура служила въ разныя эпохи то опорю, то противовѣсомъ одной и той же политической системы, доказываетъ, что въ ней не было ничего политическаго въ истинномъ смыслѣ слова, что она руководилась своими особыми началами, и что отношеніе ея къ власти и взаимное отношеніе власти къ ней зависѣли не отъ той или иной политической системы самой по себѣ, а отъ отношенія этихъ системъ къ защищаемому ею правовому принципу.

Только эмансипація правовыхъ функцій въ современномъ государствѣ ясно ставитъ на очередь вопросъ объ истинной задачѣ адвокатуры,—задачѣ гораздо болѣе обширной, чѣмъ та, которая ей навязывалась временными политическими теченіями. Уясненіе этой задачи имѣетъ существенную важность—не для устраненія страха передъ адвокатурою, въ виду возможныхъ политическихъ ея тенденцій, а для того, чтобы сгущеніемъ самосознанія въ самой адвокатурѣ придать ей внутреннюю крѣпость,—чтобы одухотворить ея дѣятельность идейнымъ началомъ, не случайно выдвинутымъ, а соответствующимъ существу реальной ея дѣятельности; чтобы заново наполнить завѣщанный ей стариною драгоцѣнный, но какъ будто пустѣющій отъ времени сосудъ такъ называемыхъ сословныхъ традицій.

II.

„Они—грабители имущества, извратители законовъ, коршуны въ тогахъ, выгоняемые собаками съ публичныхъ площадей; они оцупываютъ ловкими рѣчами честность судей; продажные рты, они поражаютъ истину и обращаютъ суды въ тайные капканы“,—такъ характеризовали адвокатуру бытописатели и сати-

рики древняго Рима; такъ характеризуютъ ее бытописатели и сатирики нашихъ дней.

Въ этомъ приговорѣ, неизмѣнно проходящемъ въ теченіе ряда вѣковъ надъ цѣлою группою людей, есть нѣчто трагическое. Они упорно провозглашаютъ себя служителями общества, насадителями началъ, которыми держится и укрѣпляется общественный строй, а общество отъ нихъ отворачивается: они - де извращаютъ законы, опутываютъ умъ, поражаютъ истину...

Когда адвокатура вводилась у насъ, составители судебныхъ уставовъ писали: „Если бы законы могли быть настолько ясны и просты, чтобы каждый былъ въ состояніи примѣнять оныя; если бы всѣ возникающіе въ дѣлахъ вопросы могли быть заранее предвидѣны и съ полною точностью означены въ законахъ, то, конечно, не было бы надобности въ установленіи особыхъ присяжныхъ повѣренныхъ; но такого совершенства законовъ нельзя найти, почему и учрежденіе повѣренныхъ считается основнымъ началомъ образованія судебной защиты“.

Адвокатъ, значить, призывается къ правотворческой дѣятельности.

Онъ—представитель кліента. Кліенту этому дорогъ только конечный результатъ: осуществленіе его личнаго интереса; правовая сфера для него—только орудіе для достиженія этой цѣли. Адвокатъ преображаетъ конкретный фактъ и переводитъ его въ правовую сферу,—сферу своеобразную, управляемую особыми законами, недопускающую никакихъ инородныхъ элементовъ. Только проникая въ эту сферу, воспринимая ее какъ цѣлое, онъ можетъ рѣшить задачу, возлагаемую на него его профессіею, т. е. связать конкретный фактъ съ опредѣленною юридическою нормою. Этотъ моментъ есть живой нервъ дѣятельности адвоката—онъ является рѣшающимъ для его отношенія къ правовой сферѣ,—онъ и создаетъ огромное различіе между его отношеніемъ къ правовой сферѣ и отношеніемъ его кліента.

Стоя ближе всѣхъ къ конкретному факту, связывая его съ юридическою нормою, адвокатъ расширяетъ и суживаетъ самый законъ. Онъ творитъ право. Ни у кого такъ мысль не напряжена въ сторону извлеченія изъ даннаго живого матеріала юридической нормы, какъ у него.

„Онъ испытуетъ, углубляется, взрываетъ,—говоритъ Пикаръ,—и гдѣ только возникаетъ сомнѣніе, онъ выводитъ его наружу. Каждый мигъ въ судебныхъ преніяхъ приноситъ нѣчто новое. Оно зарождается, растетъ и зрѣетъ у адвокатской каедрѣ, въ пылу взаимныхъ защитъ, смена коихъ всходитъ въ судебномъ рѣшеніи. И если иногда приходится защищать безъ надежды на успѣхъ, вопреки общепринятымъ взглядамъ, только во имя идеи права, то за то нѣтъ для насъ выше триумфа, какъ

видѣть судъ покидающимъ установленные пути толкованія“.

Итакъ, адвокатъ, въ силу условій своей дѣятельности, необходимо является и служителемъ и творцомъ права. Эта единственная характеристическая особенность неизмѣнно присуща дѣятельности адвоката во всѣ времена. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ страны въ страну, она укрѣпляетъ вѣру въ силу правового начала и сознание общественной миссіи адвокатуры.

Но самое сознание права, какъ высшей силы, независимой отъ государства, выросло не сразу, да и теперь еще не вполне укрѣпилось. Въ указанной выше борьбѣ стараго строя съ новымъ,—борьбѣ, доходящей до нашихъ дней,—слишкомъ выдвигалось отстаиваніе права самого по себѣ, какъ независимаго отъ государства начала,—для того, чтобы могло быть обращено достаточное вниманіе на его особенныя, неполитическія задачи. Сознаніе важности этихъ особенныхъ задачъ все еще чуждо нашему обществу. Ему чуждо юридическое мышленіе вообще. Цѣпи юридическаго построенія съ его своеобразными путями, выработанными на протяженіи вѣковъ и гарантирующими наиболее полное и наиболее цѣлесообразное осуществленіе справедливости, общество противопоставляетъ свое смѣшанное, неprovѣренное *ощущеніе* справедливости, именуемое непосредственнымъ убѣжденіемъ,—ощущеніе, которое можетъ служить отправнымъ пунктомъ, но отнюдь не конечнымъ моментомъ юридическаго процесса. Обществу враждебенъ не только адвокатъ. *Juristen sind böse Christen*. Оно хлещетъ своею сатирою и муміеобразнаго судью, и многотомные своды законовъ и книжника-толкователя...

Отъ этой отчужденности къ юридическому мышленію вообще остается одинъ только шагъ къ особой враждебности по отношенію къ адвокатурѣ. Когда адвокатура—въслѣдствіе особенныхъ историческихъ условій—выступала какъ политическая сила, холодность ея юридической функціи скрадывалась. Теперь существо ея обнажилось. Благодаря этому выступило съ особенною рѣзкостью въ глазахъ общества и то, что составляетъ лишь грубое, поверхностное, но тѣмъ болѣе бросающееся въ глаза, отличіе ея отъ смежныхъ областей судебного творчества: адвокатъ является носителемъ личнаго интереса. Когда судья произнесетъ рѣшеніе, претящее такъ называемому общественному убѣжденію и основанное на довѣрїи къ тѣмъ особымъ путямъ, которыми достигается истина на судѣ,—его сочтутъ сухимъ педагогомъ, не болѣе; когда то же сдѣлаетъ адвокатъ, его назовутъ торгашемъ правосудія, продавцомъ истины: его интересъ такъ ясенъ и простъ...

Хуже всего однако то, что мы—адвокаты, юристы вообще—сами часть того же общества:

въ силу тѣхъ же историческихъ условій мы сами до сихъ поръ доброю половиною торчимъ въ той сферѣ, которой призваны служить всѣмъ своимъ существомъ. Потому недовѣріе къ нашему призванію пускаетъ корни среди судебной магистратуры; потому—и это страшнѣе всего—сно заносится въ среду адвокатуры, колеблетъ собственное ея представленіе объ ея задачахъ, сѣетъ скептицизмъ по отношенію къ идейному содержанію ея общественной службы. А отсюда одинъ только шагъ къ дѣйствительному оскверненію святыни, къ пораженію истины—для этого не нужно даже остраго личнаго интереса; достаточно одной безпринципности.

Укоренить въ обществѣ и въ средѣ самой адвокатуры представленіе объ истинныхъ и особенныхъ ея задачахъ можетъ только организація, содѣйствующая общему подъему самосознанія адвокатуры, какъ цѣлаго. Только сословная организація адвокатуры можетъ уяснить и на дѣлѣ доказать и обществу и самимъ адвокатамъ, что принципы адвокатской дѣятельности достаточно высоки, чтобы ихъ не нужно было прикрывать ни инородными, случайно къ ней прилипшими воззвѣщеніями, ни раболѣпнымъ трепетомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, покоющимся на отрицаніи существа всего правового строя.

III.

Императоръ Николай I видѣлъ въ адвокатахъ враговъ государственнаго строя. Императрица Екатерина II называла ихъ людьми, способными одинаково „поддерживать то ложь, то справедливость, то несправедливость“.

Оба застарѣлые предрасудки—и призракъ Робеспьера, и призракъ „продажнаго поразителя истины“—шли, такимъ образомъ, впереди нашей присяжной адвокатуры.

Подъ лучами освободительной эпохи растаяли многіе старые предрасудки; но въ числѣ ихъ были такіе, которые только притаились, выжидая удобнаго момента, чтобы выйти изъ своихъ норъ. Ранѣе прочихъ выглянули тѣ, которые касаются адвокатуры. Они появились въ обществѣ, на столбцахъ печати, а затѣмъ и въ правительственныхъ законопроектахъ.

Творцы судебныхъ уставовъ не дали себя ослѣпить ни временными политическими соображеніями, ни ходячими воззрѣніями на адвокатскую мораль. Передъ ними рѣялъ чистый идеалъ суда, творца и насадителя права; для достиженія этого идеала они призвали себѣ въ помощь силу, безъ которой—какъ они выражались—„рѣшительно невозможно раскрытіе истины и предоставленіе тяжущимся и обвиняемымъ полной защиты передъ судомъ“.

Творцы судебныхъ уставовъ не закрывали глазъ на опасности, такъ сказать, врожденныя адвокатурѣ, но противъ этихъ опасностей пытались создать оплотъ,—оплотъ, испытанный

на примѣрѣ другихъ странъ и наиболѣе прироченный къ своеобразнымъ особенностямъ ограждаемаго института. „Для того, чтобы это сословіе—писали тогда—представляло вѣрныя ручательства нравственности, знанія и честности убѣжденій, должно, съ самаго его учрежденія, держаться строгаго выбора лицъ на должность повѣренныхъ и установить за ними такой надзоръ, который, не лишая ихъ необходимой для защиты ихъ довѣрителей самостоятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, способствовалъ бы скорому и дѣйствительному огражденію частныхъ лицъ отъ стѣсненій повѣренныхъ, а съ другой—служилъ бы средствомъ къ водворенію и поддержанію между ними самими чувства правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности передъ правительствомъ и передъ обществомъ“.

Такую широкую, ясную и глубоко обдуманную постановку вопроса объ адвокатурѣ вы едва ли найдете гдѣ-либо во всей законодательной литературѣ. Центръ тяжести не въ усиленіи внѣшняго контроля, совершенно здѣсь непригоднаго, и не въ установленіи связи съ государственнымъ интересомъ, какъ таковымъ, а въ томъ, чтобы укрѣпить сознаніе общественной задачи адвокатуры и вытекающую изъ этого отвѣтственность передъ обществомъ; чтобы рядомъ съ этимъ предоставить адвокатурѣ ту независимость, которая, по мѣткому старинному опредѣленію, „не ставитъ обладателя ея выше закона, но даетъ ему возможность требовать исполненія закона“.

Двѣ эти основныя цѣли достигались, съ одной стороны, установленіемъ самой широкой автономіи сословія, съ другой—прегражденіемъ доступа въ него лицамъ, прикосновеннымъ къ администраціи. И то и другое признавалось настолько тѣсно связанными съ самою задачею правильно организованной адвокатуры, что по этому поводу не возникало никакихъ разногласій въ средѣ составителей судебныхъ уставовъ. Вопросъ о контролѣ надъ сословіемъ съ точки зрѣнія государственной не ставился вовсе. Ранѣе, во время близкое къ Николаевской эпохѣ, предполагавшей „прожить и безъ нихъ“, говорилось и у насъ объ облаченіи адвокатовъ въ чиновничьи мундиры. Въ запискѣ, представленной Государственному Совѣту, указывалось, уже правда, что „безъ образованія сословія благонадежныхъ и какъ бы освященныхъ ручательствомъ правительства повѣренныхъ едва ли есть возможность привести въ надлежащее исполненіе постановленія о судопроизводствѣ гражданскомъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводился устранимый примѣръ Франціи, гдѣ адвокаты „достигли политическаго значенія, несогласнаго съ дѣйствительнымъ ихъ призваніемъ“, и потому предлагалось, „присяжныхъ повѣренныхъ или стряпчихъ назначать отъ правительства изъ лицъ, имѣющихъ нужныя для того способ-

ности, свѣдѣнія и нравственныя качества, съ тѣмъ чтобы предсѣдатели судовъ имѣли право подвергать ихъ нѣкоторымъ побудительнымъ мѣрамъ и денежнымъ за поступки противные уставу гражданскаго судопроизводства взыска- ниямъ“.

Въ средѣ составителей уставовъ эти предположенія не нашли однако никакого отклика. Организация адвокатуры какъ сословія была краеугольнымъ камнемъ новаго построения; вопросъ о ней былъ окончательно разрѣшенъ еще въ „Основныхъ положеніяхъ судоустройства“. Второй вопросъ—о прегражденіи доступа въ адвокатуру лицамъ административныхъ вѣдомствъ — былъ выдвинутъ впоследствии, при детальной разработкѣ правилъ объ учрежденіяхъ; онъ былъ сразу рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, и это рѣшеніе, проходя затѣмъ черезъ разныя ступени законодательныхъ инстанцій, не возбудило, насколько намъ извѣстно, никакихъ сомнѣній и не вызвало ни съ чьей стороны возраженій.

Предпринятая нынѣ реформа адвокатуры на видъ оставляетъ нерушимыми оба устоя. Во вступительной рѣчи своей, произнесенной при открытіи засѣданій комиссіи, предсѣдатель ея охарактеризовалъ адвокатуру какъ „дѣятельность судебно-общественную“, указавъ на сословную автономию, какъ на единственный возможный видъ ея организации, назвалъ адвокатуру „неотъемлемою принадлежностью новаго судебного строя“, отмѣтилъ, что предпринятая реформа остается „вѣрною основнымъ началамъ и взглядамъ, которые усвоены нашимъ законодательствомъ со времени судебной реформы“. И тѣмъ не менѣе, когда читаешь отдѣльныя постановленія новаго закона, испытываешь ощущение, точно изъ него исчезъ прежній духъ, точно вновь смотреть на вась изъ-за угла призракъ Робеспьера или гонимый съ форума продажный „поразитель истины“. Это замѣтно въ цѣломъ рядѣ постановленій часто мелкихъ, отражающихъ на себѣ однако общее, не вполне довѣрчивое отношеніе закона къ самостоятельности реформируемаго сословія. Я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Судебные уставы ввѣрили дисциплинарный судъ совѣту, а избраніе совѣта—всему сословію. Этотъ принципъ сохраненъ въ нынѣшнемъ законопроектѣ, но къ нему пристроено нѣчто новое; установлена особая дисциплинарная отвѣтственность членовъ совѣта передъ особымъ присутствіемъ судебной палаты, съ тѣмъ что присутствію предоставлена власть даже отрѣзать члена совѣта отъ должности. Постановленіе это явно ограничиваетъ права самоуправляющагося сословія, и съ этой именно точки зрѣнія раздавались противъ него голоса въ комиссіи, избранной юридическимъ обществомъ для обсужденія законопроекта. Указывалось на то, что довѣряя совѣту сужденіе о всякихъ предосудительныхъ поступкахъ присяжныхъ по-

вѣренныхъ, законъ могъ бы довѣрить ему судъ и надъ поступками присяжныхъ повѣренныхъ, какъ членовъ совѣта; что введеніе проектированнаго правила фактически стѣснить предоставленную сословію свободу, выбора членовъ совѣта и повліяетъ такимъ образомъ на качественный составъ совѣта; наконецъ, что опытъ истекшаго со времени введенія адвокатуры тридцатилѣтія не оправдываетъ необходимости этого ограниченія съ какой бы то ни было точки зрѣнія.

Возраженія эти не оставили слѣда въ напечатанныхъ трудахъ комиссіи, ибо по усвоенной комиссіей системѣ въ журналъ включалось только мнѣніе большинства. Большинство же въ данномъ случаѣ отнеслось съ опасеніемъ къ мысли объ устраненіи одного изъ видовъ отвѣтственности адвокатуры,— опасеніемъ, внутреннимъ заботами объ интересахъ самой адвокатуры: *ей-моль* не слѣдуетъ избѣгать какого бы то ни было изъ предлагаемыхъ ей видовъ контроля. Нужно ли доказывать, что эта осторожность только рѣзче отмѣняетъ характеръ самаго ограниченія? Отчего именно адвокатура должна не избѣгать того, чего можно и должно избѣгать, послѣдовательно проводя принципъ, всеми раздѣляемый и правильный въ существѣ? Да оттого, что она въ подозрѣніи...

Такъ или иначе, но комиссія рѣшила не уходить въ глубь вопроса, взять за исходную точку разсужденія самого проекта о необходимости дисциплинарнаго контроля за членами совѣта на одинаковыхъ основаніяхъ съ членами окружныхъ судовъ и соответвенно съ этимъ отмѣтить лишь допущенную проектомъ непослѣдовательность. Дисциплинарная отвѣтственность членовъ суда, изъ которой исходить проектъ, ограничивается, по учрежд. суд. уст., проступками, за которыя слѣдуетъ предостереженіе. Между тѣмъ для членовъ совѣта предполагаются дисциплинарныя кары вплоть до устраненія отъ должности. Усматривая въ этомъ отсутствіе общаго равенства членовъ совѣта съ членами окружныхъ судовъ, комиссія ограничилась указаніемъ на необходимость оставленія для членовъ совѣта дисциплинарной отвѣтственности лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она установлена для членовъ окружныхъ судовъ.

Комиссія не могла отнестись съ тѣмъ же спокойствіемъ къ другому нововведенію, окрашенному тою же тенденціею: къ предоставленію прокуратурѣ болѣе широкаго участія въ рѣшеніи вопроса о допущеніи тѣхъ или иныхъ лицъ въ сословіе. Здѣсь компромиссъ казался невозможнымъ. Если установленіе дисциплинарной отвѣтственности членовъ совѣта могло повлечь за собою—и то лишь косвеннымъ образомъ—качественное измѣненіе состава совѣта, то расширеніе правъ прокуратуры въ вопросѣ о принятіи въ сословіе обозначало бы измѣненіе качественного состава самого сосло-

вия, и что еще важнѣе—упраздненіе основной функціи выборнаго сословнаго органа.

Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ по закону предоставлено право принимать или отказывать просителямъ по соображеніямъ неформальнаго свойства, не подлежащимъ критикѣ и провѣркѣ съ чьей бы то ни было стороны. Новый законъ оставляетъ совѣту своеобразное право—отказывать, но не даетъ ему права безконтрольно принимать въ сословіе. Эта функція передается въ руки высшей инстанціи, гораздо менѣе чѣмъ совѣтъ приспособленной къ ея исполненію, и тѣмъ менѣе приспособленной къ критикѣ того, что уже исполнено совѣтомъ.

Уже при начертаніи правилъ о присяжныхъ повѣренныхъ въ 1861 г. Государственный Совѣтъ указывалъ, что члены высшей, контролирующей совѣтъ инстанціи „не имѣютъ никакихъ данныхъ, по которымъ бы они могли знать представляемаго въ присяжные повѣренные кандидата лучше, чѣмъ совѣтъ самихъ повѣренныхъ, которому безъ сомнѣнія ближе всего извѣстны и нравственные качества, и познанія избраннаго ими лица“. Такія же соображенія высказывались и нынѣ во II отдѣлѣ и въ общемъ собраніи Высочайше учрежденной комиссіи по пересмотру судебной части,—но это были соображенія меньшинства.

Соглашаясь во всемъ съ этими соображеніями меньшинства, комиссія юридическаго общества сочла нужнымъ отмѣтить еще особенное несоотвѣтствіе предлагаемаго правила съ мотивами, приводимыми въ его оправданіе. Мотивы указываютъ, что хотя совѣтъ имѣть право рѣшать вопросъ о нравственныхъ качествахъ просителя по внутреннему убѣжденію, безконтрольному, а слѣдовательно безапелляционному, — однако онъ „можетъ впасть въ ошибку при оцѣнкѣ формальныхъ правъ лица, желающаго поступить въ сословіе, и ошибка эта можетъ обратиться во вредъ „интересамъ общегосударственнымъ“. Но очевидно, что если дѣло касается формальныхъ основаній для отказа, то достаточно было допустить протестъ прокурора въ случаѣ нарушенія постановленіями совѣта именно формальныхъ требованій закона—противъ предоставленія такого права прокурору никто и не возражалъ: имъ не колеблются основы самоуправленія. Вся острота вопроса въ томъ и состоитъ, что прокурору предоставлено право протестовать противъ постановленій о принятіи вообще, по всякимъ соображеніямъ—не только формальнымъ. Не стоитъ ли за этимъ правиломъ тѣнь Робеспьера?

Не допуская въ сословіе лицъ, которыхъ совѣтъ, по соображеніямъ о нравственномъ ихъ достоинствѣ, счелъ возможнымъ принять, проектъ съ другой стороны вводитъ въ сословіе цѣлую категорію такихъ лицъ, которыя до сихъ поръ не были въ немъ терпимы. Это—чины административныхъ вѣдомствъ, „обязанности

коихъ,—какъ гласитъ проектъ—состоять въ веденіи и защитѣ въ судахъ дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами означенныхъ вѣдомствъ“. Мотивы оправдываютъ это нововведеніе тѣмъ, что „служебная дѣятельность ихъ (чиновъ административныхъ вѣдомствъ) весьма близко подходитъ къ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ и въ достаточной степени можетъ ознакомить ихъ съ судебною практикою“. Но эти мотивы, очевидно—такъ же, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, — не отвѣчаютъ вовсе на поставленный вопросъ.

Не въ огражденіе сословія отъ лицъ, незнакомыхъ съ судебною практикою, лицамъ административныхъ вѣдомствъ закрывался доступъ въ адвокатуру, а въ интересахъ охраненія адвокатской дѣятельности отъ вліянія чуждыхъ ей, какъ и вообще всей судебной сферѣ, административныхъ возрѣній и вліяній. Если признать возможнымъ ввести въ составъ адвокатуры административнаго чиновника только потому, что онъ знакомъ съ судебною практикою, то съ неменьшимъ правомъ можно ввести въ составъ судей весьма опытнаго въ судебныхъ дѣлахъ прокурора. Меньшинство II отдѣла и общаго собранія комиссіи указывало на то, что отъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, какъ подчиненныхъ различнымъ начальствамъ, нельзя ждать той независимости, которая признается необходимою для присяжнаго повѣреннаго; но въ сужденіяхъ меньшинства никакого отвѣта на это основное возраженіе не содержится. О независимости адвокатуры въ проектѣ вообще не говорится.

Комиссія юридическаго общества присоединилась къ мнѣнію меньшинства II отдѣла и указала въ соображеніяхъ своихъ какъ на грозящій институту присяжныхъ повѣренныхъ подрывъ его независимости, такъ и на отсутствіе какихъ-либо иныхъ основаній для введенія предлагаемой мѣры.

Расколъ въ комиссіи—такъ же какъ и въ обѣихъ правительственныхъ коллегіяхъ—вызванъ былъ вопросомъ частнымъ, не имѣющимъ особаго значенія съ точки зрѣнія общихъ проблемъ адвокатуры,—вопросомъ о томъ: допускать ли къ занятію адвокатурою профессоръ-юристовъ. Профессоръ состоитъ на службѣ, онъ также чиновникъ административнаго вѣдомства, и если запрещается поступленіе въ адвокатуру чиновникамъ вообще, то послѣдовательно надлежало бы закрыть въ него доступъ и профессорамъ. Но при всей послѣдовательности этого разсужденія, вы неохотно ему подчиняетесь: чувствуется, что тутъ, при полнотѣ внѣшней аналогіи, есть, однако, разница въ существѣ. Наука не есть установленіе государственное, а профессоръ есть прежде всего слуга науки и лишь немногимъ болѣе всякаго свободнаго гражданина Имперіи—слуга государства. Россія никогда не имѣла официальныхъ штатсъ-философовъ и штатсъ-геллертеровъ, а если были

у насъ суррогаты этой породы, то они набрились чаще всего изъ добровольцевъ и не стояли ни въ какой обязательной связи съ профессорской кафедрой, съ „службою по учебному вѣдомству“: официальное причисленіе къ вѣдомству никогда не налагало на русскихъ ученыхъ клейма внутренней зависимости отъ видовъ начальства. Съ другой стороны польза отъ введенія научнаго элемента въ ряды нашей адвокатуры, страдающей вообще слабымъ развитіемъ теоретическихъ знаній, несомнѣнна. Можно ли при такихъ условіяхъ преграждать доступъ въ сословіе профессору только потому, что онъ получаетъ жалованье изъ государственнаго казначейства?

Вопросъ о вліяніи профессорскаго элемента на адвокатуру возбуждался — по нѣскольکو иному поводу — и при составленіи судебныхъ уставовъ. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести по этому поводу нѣскольکو строкъ, которыми заканчивается горячая филиппика, составленная большинствомъ комиссіи 1861 года въ защиту научнаго элемента въ судебномъ творествѣ вообще и въ творествѣ адвокатуры въ особенности. „Этотъ элементъ — писали тогда — нуженъ для сословія, чтобы навсегда оживить его и облагородить связью съ наукою и ея представителями; чтобы новый процессъ не принялъ рутиннаго, механическаго направленія, но былъ постоянно осящаемъ свѣтомъ науки; чтобы теорія и практика шли и развивались рука объ руку; чтобы ни въ той, ни въ другой не было ни одностороннихъ заблужденій, ни фальшивыхъ увлеченій; чтобы создалась наконецъ дѣйствительно правильная юридическая жизнь, достойная великаго государства“.

Кромѣ реформъ, о которыхъ рѣчь шла до сихъ поръ, предполагались еще двѣ реформы, въ томъ же направленіи: одна имѣла въ виду недопущеніе въ сословіе лицъ, состоящихъ подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ, другая была направлена къ изытію одной отрасли дисциплинарныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія совѣта. Оба эти предложенія отклонены большинствомъ голосовъ въ обѣихъ правительственныхъ коллегіяхъ, но на одномъ изъ нихъ — на послѣднемъ — я вынужденъ остановиться, такъ какъ оно было поддерживаемо и въ комиссіи юридическаго общества. Группу дѣлъ, которую предложено было изытъ изъ вѣдѣнія совѣта, принято называть на техническомъ языкѣ *délits d'audience* — нарушеніе благопристойности, допущенное адвокатомъ во время судебного засѣданія. Эта группа выдѣлилась изъ общаго дисциплинарнаго кодекса во Франціи, въ самыя тяжелыя для французской адвокатуры времена, когда разгромъ революціи смѣнился эпохою наполеоновскихъ укротительныхъ законовъ. Тогда то всплылъ вопросъ о цѣлесообразности предоставленія суда надъ адвокатомъ, совершившимъ проступокъ въ судебномъ засѣданіи,

той самой коллегіи, по отношенію къ которой проступокъ совершенъ. Рѣчь шла не объ общей дискреціонной власти предсѣдателя суда, которая, конечно, распространяется и на адвоката, и не объ общей уголовной отвѣтственности, если адвокатомъ допущена грубая вина; нѣтъ, рѣчь шла именно о правѣ дисциплинарнаго суда, — о предоставленіи мстительному чувству оскорбленной коллегіи права произнести тотъ приговоръ, который въ обычныхъ условіяхъ входитъ въ сферу компетенціи совѣта. Необходимость установленія у насъ такого порядка поддерживалась однимъ изъ членовъ нашей комиссіи, — съ тѣмъ однако измѣненіемъ, что сужденіе о проступкѣ присяжнаго повѣреннаго, совершенномъ во время засѣданія, должно было быть предоставлено не той коллегіи, въ присутствіи которой проступокъ совершенъ, а особому судебному органу — присутствію судебной палаты. Какъ главное для этого основаніе, указывалось на то, что при нынѣшнемъ порядкѣ вещей судебныя коллегіи вынуждены въ большинствѣ случаевъ оставлять совершенно безнаказанными самыя рѣзкія нарушенія благопристойности со стороны присяжныхъ повѣренныхъ: онѣ предпочитаютъ этотъ исходъ передать дѣла на разсмотрѣніе совѣта, которому онѣ, судебныя коллегіи, не вполне довѣряютъ. „Допуская даже — говорилось въ замѣчаніяхъ представленныхъ по этому поводу комиссіи — что совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ будетъ состоять изъ лицъ, желающихъ быть безпристрастными, всетаки нельзя быть увѣренными въ томъ, что постановленія даже такого совѣта были бы вполне правильны, ибо совѣтъ не вправѣ входить въ критическую оцѣнку дѣятельности самой судебной коллегіи или ея предсѣдателя, а между тѣмъ онъ нерѣдко бываетъ вынужденъ прибѣгнуть къ этому для правильной оцѣнки дѣйствій привлеченнаго къ отвѣтственности“.

Комиссія юридическаго общества не усматривала однако основаній оказывать недоувѣріе совѣту даже тогда, когда для выясненія вопроса о винѣ присяжнаго повѣреннаго, ему пришлось бы входить въ критическую оцѣнку дѣйствій чиновъ судебного вѣдомства. Такая критическая оцѣнка дѣйствій лицъ разныхъ вѣдомствъ не разъ требуется при обсужденіи совѣтомъ дѣйствій присяжныхъ повѣренныхъ, и лишитъ совѣтъ права входить въ такую оцѣнку, значило бы лишитъ его вовсе возможности отправлять дисциплинарную функцію.

Оцѣнка дѣйствій лицъ судебного вѣдомства со стороны совѣта можетъ вѣдь требоваться наконецъ и въ другихъ случаяхъ — въ случаяхъ столкновеній присяжныхъ повѣренныхъ съ чинами судебного вѣдомства внѣ судебного засѣданія. А для этихъ случаевъ совѣтъ безспорно остается компетентнымъ учрежденіемъ. Для чего же, спрашивается, окружать особымъ почетомъ членовъ судебного вѣдомства въ

одномъ случаѣ, когда они не ограждаются въ другихъ?

Отдѣленный отъ права самой судебной коллегіи вымѣщать свой гнѣвъ на провинившемся адвокатѣ, вопросъ о délits d'audience лишается всякаго, даже психологическаго, обоснованія. Во всякомъ случаѣ—въ томъ ли видѣ какъ предполагалось у насъ, или въ томъ видѣ какъ оно существуетъ во Франціи,—правило о délits d'audience направлено къ урѣзанію автономіи сословнаго суда. По этому одному уже слѣдуетъ признать, что каковы бы ни были частныя выгоды отъ предлагаемаго рѣшенія, — онѣ не могутъ имѣть рѣшающаго значенія.

Есть принципы, одно колебаніе которыхъ приноситъ вредъ,—хотя бы вредъ этотъ и не поддавался заранѣе правильному математическому учету.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Винаверъ.

Реформа порядка взиманія окладныхъ сборовъ.

Предполагая по прежнему возложить на сельскіе (или, точнѣе сказать, селенныя) сходы обязанность внутренней разверстки между отдѣльными домохозяевами назначенной на селеніе, какъ на податную единицу, суммы сборовъ, министерство финансовъ, естественно, должно было остановиться на вопросѣ, слѣдуетъ-ли сохранить установленный дѣйствующимъ законодательствомъ принципъ круговой отвѣтственности членовъ податной единицы другъ на друга.

Принципъ круговой отвѣтственности издавна примѣняется въ нашемъ податномъ законодательствѣ, но съ теченіемъ времени онъ подвергался въ своемъ примѣненіи весьма значительнымъ видоизмѣненіямъ. По положенію 1833 г. „о порядкѣ взиманія съ казенныхъ поселеній денежныхъ сборовъ“ уплата податей обезпечивалась круговою отвѣтственностью крестьянъ всей волости; но уже черезъ пять лѣтъ, при преобразованіи управленія казенныхъ поселеній графомъ Киселевымъ, область примѣненія круговой отвѣтственности была сужена: взамѣнъ отвѣтственности волости установлена была отвѣтственность сельскаго общества. Это же начало было принято и положеніями 19 февраля 1861 г. по отношенію къ казеннымъ, земскимъ и мірскимъ платежамъ, по отношенію же къ выкупнымъ платежамъ круговая отвѣтственность общества была установлена лишь въ томъ случаѣ, если земля была выкуплена всѣмъ обществомъ, а при выкупѣ отдѣльными домохозяевами послѣдніе вносили выкупные платежи за личною каждого изъ нихъ отвѣтственностью. Затѣмъ въ 1869 г. (законъ 17 ноября), когда правительство перешло въ

нѣкоторыхъ случаяхъ отъ сельскаго общества, какъ податной единицы, къ селенію или къ части селенія, имѣющимъ землю въ отдѣльномъ владѣніи, круговая отвѣтственность также была перенесена съ сельскаго общества на новую податную единицу, причемъ селенія (или части селенія), въ которыхъ числилось менѣе 40 ревизскихъ душъ, были вовсе освобождены отъ круговой поруки по всѣмъ окладнымъ сборамъ, за исключеніемъ лишь выкупныхъ платежей у бывшихъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, по дѣйствующему законодательству вопросъ о примѣненіи или непримѣненіи круговой поруки рѣшается въ зависимости отъ трехъ факторовъ: 1) отъ способа владѣнія землею; 2) отъ категоріи сборовъ, и 3) отъ численнаго состава селеній или обществъ, образующихъ податныя единицы. Во все не долженъ примѣняться принципъ круговой отвѣтственности у крестьянъ разныхъ наименованій, владѣющихъ землею подворно и образующихъ мелкія селенія, а также у крестьянъ-общинниковъ изъ числа бывшихъ государственныхъ, образующихъ мелкіе поселки. Круговая порука должна примѣняться: ко всѣмъ сборамъ—у общинниковъ крупныхъ селеній; ко всѣмъ сборамъ, кромѣ выкупныхъ платежей,—у подворниковъ крупныхъ селеній; только къ выкупнымъ платежамъ—въ мелкіхъ селеніяхъ крестьянъ общинниковъ, относящихся къ категоріи бывшихъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ.

Уже самая пестрота законоположеній о круговой отвѣтственности, очевидно лишь мѣшавшая правильному ея примѣненію, дѣлала необходимымъ пересмотръ этихъ законоположеній. Для рѣшенія же вопроса, слѣдуетъ-ли сохранить принципъ круговой отвѣтственности на будущее время и въ какомъ именно объемѣ,—министерство финансовъ попыталось обратиться къ практикѣ дѣла и выяснить: какъ строго этотъ принципъ примѣняется въ дѣйствительности, и насколько отмѣна круговой поруки можетъ повліять на своевременное поступленіе сборовъ. Какъ видно изъ собранныхъ податными инспекторами свѣдѣній, круговая порука примѣняется въ дѣйствительности и проявляется на практикѣ въ слѣдующихъ формахъ: 1) въ пополненіи недоимокъ мірскими суммами вообще и, въ частности, доходами съ мірскихъ оброчныхъ статей; 2) въ займахъ, заключаемыхъ сельскими обществами на пополненіе недоимокъ; 3) въ принудительной разверсткѣ недоимокъ; 4) въ продажѣ полиціею движимаго имущества всего недоимочнаго селенія, и 5) въ предоставленіи сельскими сходами льготъ по обложенію захудалымъ или временно нуждающимся домохозяевамъ. Въ теченіе обслѣдованнаго промежутка времени (съ 1887 по 1893 г.) не было ни одной губерніи, въ которой круговая отвѣтственность не проявлялась-бы въ той или иной изъ указанныхъ формъ. Въ болѣе рѣзкихъ своихъ проявленіяхъ,—въ формѣ при-

нудительных общественных займовъ, дополнительной разверстки недоимокъ и продажи движимости всего недоимочнаго селенія,—круговая порука примѣнялась, преимущественно, въ сѣверной полосѣ Россіи,—въ губерніяхъ лѣсныхъ и промышленныхъ, гдѣ значительно преобладаетъ общинное землевладѣніе. Впрочемъ, тѣсной зависимости между общиннымъ землевладѣніемъ и круговою отвѣтственностью на практикѣ не замѣчается. Полиція, которой принадлежитъ инициатива примѣненія такихъ мѣръ взысканія, какими являются принудительная разверстка недоимокъ и продажа движимаго имущества всего недоимочнаго селенія,—не входитъ обыкновенно въ разборъ того, можно ли къ данному селенію и къ даннымъ недоимкамъ примѣнить круговую отвѣтственность, и взыскивать сборы однимъ и тѣмъ же, однажды принятымъ, порядкомъ. Въ однихъ губерніяхъ полиція взыскиваетъ за круговою отвѣтственностью всѣ недоимки со всѣхъ, и крупныхъ и мелкихъ, селеній какъ общиннаго, такъ и подворнаго владѣнія; въ другихъ, наоборотъ, полиція рѣдко прибѣгаетъ даже въ крупныхъ селеніяхъ съ общиннымъ владѣніемъ къ мѣрамъ взысканія, вытекающимъ изъ принципа круговой отвѣтственности. Даже въ предѣлахъ одной и той же губерніи часто не замѣчается однообразія въ порядкѣ взысканія: въ однихъ уѣздахъ круговая порука примѣняется во всей своей силѣ; въ другихъ — взысканіе производится за личною каждого плательщика отвѣтственностью. При такомъ положеніи дѣла трудно было разрѣшить по указаніямъ практики второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ,—возможно-ли вовсе отмѣнить принципъ круговой отвѣтственности, такъ какъ при существующемъ податномъ надзорѣ степень податной исправности крестьянъ, вообще говоря, мало зависѣла отъ того, примѣняется-ли круговая порука или нѣтъ. Конечно, а priori можно было утверждать, что она служитъ серьезнымъ обезпеченіемъ исправнаго поступленія податей, распредѣляя отвѣтственность между многими, но именно въ этой формѣ она примѣнялась очень рѣдко и неправильно, доказательствомъ чего являются подмѣченные обслѣдованіемъ факты недоимочности зажиточныхъ домохозяевъ, которые сначала оттягиваютъ уплату податей, чтобы не платить за другихъ, а потомъ, когда обозначилась неисправность общества, они не платятъ и за себя въ расчетѣ, что немедленнаго взысканія не будетъ и что не будетъ круговой отвѣтственности.

Отказавшись, въ виду приведенныхъ соображеній, отъ рѣшенія вопроса о круговой порукѣ на почвѣ практическихъ указаній, министерство финансовъ, тѣмъ не менѣе, разрѣшило этотъ вопросъ въ смыслѣ сохраненія въ податномъ законодательствѣ и на будущее время принципа круговой отвѣтственности, основываясь при этомъ на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Установленіе круговой отвѣтственности въ крестьянскомъ законодательствѣ являлось естественнымъ послѣдствіемъ предоставленія сельскому обществу права разверстывать сборы между отдѣльными домохозяевами и права наблюдать за взносомъ каждымъ домохозяиномъ причитающейся съ него по раскладкѣ доли сборовъ. Исключеніе изъ этого общаго правила, допущенное закономъ 1869 г.,—который освободилъ отъ круговой отвѣтственности мелкія сельскія общества, оставивъ за ними всѣ податныя полномочія,—съ одной стороны нельзя считать рѣзкимъ нарушеніемъ принципа круговой отвѣтственности, а съ другой — и не представляло особыхъ неудобствъ, такъ какъ при небольшомъ количествѣ домохозяевъ легче достигнута правильности разверстки и успѣшности взиманія, что, впрочемъ, доказывается и данными, собранными податными инспекторами, которые удовлетворяли сравнительную податную исправность мелкихъ селеній. Въ настоящемъ законопроектѣ, какъ указано выше, предполагается оставить по прежнему за сельскимъ обществомъ право вполне самостоятельно разверстывать сборы между домохозяевами. Обезпечить же правильность разверстки, по мнѣнію министерства финансовъ, возможно лишь при условіи возложенія на общество круговой отвѣтственности. Затѣмъ, сельскому обществу по прежнему предполагается предоставить право принимать мѣры имущественнаго взысканія со своихъ членовъ, что въ свою очередь влечетъ за собою предоставленіе обществу права давать податныя льготы нуждающимся домохозяевамъ, отбѣнку плательныхъ условій которыхъ въ каждый данный моментъ всего лучше, конечно, можетъ сдѣлать само общество, въ лицѣ своего органа—сельскаго схода. Вообще, какъ видно изъ соображеній министерства финансовъ, оно придаетъ податной дѣятельности схода крупное значеніе. Дѣятельность же эта, несомнѣнно, будетъ выражаться ярче и интенсивнѣе при существованіи круговой поруки. Далѣе, министерство финансовъ находитъ, что при правильномъ примѣненіи круговой поруки и при болѣе тщательномъ податномъ надзорѣ тяжесть имущественной отвѣтственности каждого домохозяина за односельчанъ будетъ ничтожною, такъ какъ не будутъ допускаться значительные недоборы. Наконецъ, по мнѣнію министерства финансовъ, сохраненіе въ податномъ законодательствѣ принципа круговой отвѣтственности будетъ поддерживать такіа желательныя проявленія народной жизни, какими являются льготы по обложенію, предоставляемыя самимъ обществомъ захудалымъ или временно обезсиленнымъ домохозяевамъ. Такъ напр., общество, не уменьшая поземельнаго пая семьи, въ которой умеръ единственный работникъ, принимаетъ на себя уплату всего оклада податей или части его до совершенно-

лѣтія сына (Калужская, Воронежская и Саратовская губерніи); домохозяйина старательнаго, обремененнаго большимъ семействомъ, общество освобождаетъ отъ поставки подводъ, отъ караула, отводитъ ему полосу получше (Вятская губ.); съ погорѣвшаго домохозяйина снимаютъ на годъ всѣ окладные платежи (Херсонская губ.) и т. д. Всѣми этими проявленіями крестьянскаго общежитія, а также и другими однородными съ указанными, какъ-то: уплатою податей доходомъ съ мірскихъ оброчныхъ статей, заключеніемъ денежныхъ займовъ всѣмъ обществомъ (на болѣ легкихъ, конечно, условіяхъ, чѣмъ отдѣльными домохозяевами), пополненіемъ недоборовъ изъ мірскихъ суммъ безъ взысканія съ недоимщиковъ и т. п.,—возможными лишь при существованіи круговой поруки, нельзя не дорожить. Они должны служить залогомъ правильнаго развитія начала взаимопомощи среди крестьянъ.

Министерство финансовъ не сочло себя вправѣ высказаться за отмѣну круговой отвѣтственности еще потому, что такую отмѣною вызывалась-бы необходимость пересмотра узаконеній, регулирующихъ организацію крестьянскаго общественнаго устройства и управления, съ которою тѣсно связанъ вопросъ о круговой порукѣ; разсмотрѣніе это не входитъ, конечно, въ кругъ обязанностей этого министерства. Поэтому въ настоящемъ законопроектѣ по отношенію къ вопросу о круговой порукѣ поставлена лишь одна цѣль — устранить пестроту дѣйствующаго по сему предмету законодательства. Руководящимъ при этомъ началомъ послужило то соображеніе, что круговая порука находится въ тѣсной связи съ существованіемъ крестьянской земельной общины. Въ виду этого и не желая расширять области примѣненія круговой отвѣтственности, министерство финансовъ рѣшило обязать круговую порукою лишь крупныя селенія крестьянъ-общинниковъ; селенія же подворныхъ владѣльцевъ, а также мелкія селенія крестьянъ-общинниковъ предполагается вовсе освободить отъ такой отвѣтственности по всѣмъ вообще сборамъ. Для опредѣленія же мелкихъ селеній министерство финансовъ находитъ необходимымъ принимать въ соображеніе такой же признакъ, какой установленъ дѣйствующимъ законодательствомъ,—т. е. число записанныхъ въ селеніи по послѣдней ревизіи душъ мужскаго пола (40), причемъ, для устранения недоразумѣній по счету душъ въ виду давняго производства ревизіи, число ихъ будетъ опредѣляться на основаніи актовъ земельнаго устройства, содержащихъ въ себѣ точныя по сему предмету данныя. Такимъ образомъ взиманіе окладныхъ сборовъ предположено производить съ примѣненіемъ круговой поруки съ такихъ крестьянъ, которые пользуются землею на общинномъ правѣ и, притомъ, получили надѣлъ на 40 или болѣе ревизскихъ душъ; всѣ же

подворные владѣльцы и крестьяне-общинники такихъ селеній, которымъ надѣлъ отведенъ менѣе, нежели на 40 ревизскихъ душъ, будутъ уплачивать сборы за личную каждого отдѣльнаго домохозяйина отвѣтственностью.

Конечно въ малолюдныхъ общинахъ круговая порука не можетъ имѣть на хозяйственныя отношенія отдѣльныхъ членовъ столь существеннаго вліянія, какъ въ крупныхъ общинахъ: каждый домохозяйинъ малолюдной общины имѣетъ больше шансовъ защитить свои интересы на немногочисленномъ селенномъ сходѣ. Однако, по поводу предположеній министерства нельзя не сдѣлать одного замѣчанія. Признакъ, взятый для опредѣленія мелкихъ селеній, представляется намъ не вполне удачнымъ. Ревизскій счетъ душъ на практикѣ давно утратилъ всякое значеніе, а потому принимать его въ расчетъ при рѣшеніи вопроса о томъ, примѣнять-ли къ данному селенію круговую поруку или не примѣнять, не имѣетъ за собою никакихъ основаній. Отчего бы не взять за такой признакъ число наличныхъ домохозяйствъ? Вопреки мнѣнію министерства финансовъ, мы не видимъ особой опасности въ томъ, что этотъ признакъ съ теченіемъ времени подвергается измѣненію. Если есть основаніе ограждать круговую порукою интересы отдѣльныхъ домохозяевъ многолюдныхъ общинъ, то это основаніе въ одинаковой степени примѣнимо какъ къ тѣмъ общинамъ, которыя во время X ревизіи (1858 г.) были многолюдными, такъ и къ тѣмъ общинамъ, которыя, благодаря постепенному росту населенія, приблизились къ типу первыхъ.

Въ заключеніе министерство финансовъ указываетъ, что круговая отвѣтственность поставлена законопроектомъ въ совершенно иныя условія ея примѣненія, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Не круговая порука лежитъ въ основаніи проектированнаго порядка взиманія податей, а непосредственная отвѣтственность каждого домохозяйина, если только сельскій сходъ не будетъ уклоняться отъ принятія мѣръ взысканія недоборовъ; лишь по примѣненіи этихъ мѣръ выдвигается вопросъ о круговой отвѣтственности за тѣ недоборы, которые остались не пополненными къ послѣднему сроку. При такомъ порядкѣ, а главное при дѣятельномъ надзорѣ за сельскимъ сходомъ и должностными лицами сельскаго и волостнаго управленія со стороны податныхъ инспекторовъ и земскихъ начальниковъ, не будетъ мѣста такимъ нежелательнымъ явленіямъ, какимъ представляется недоимочность зажиточныхъ домохозяевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшится надобность обращенія къ круговой порукѣ.

Мы нарочно остановились на подробномъ изложеніи соображеній министерства финансовъ по вопросу о круговой порукѣ въ виду того особаго интереса, съ которымъ всегда относилось наше общество къ этому вопросу.

Къ вопросу о порядкѣ возбужденія уголовныхъ дѣлъ мировой подсудности.

По дѣламъ общей подсудности слѣдственная судебная власть провѣряетъ полицейскія дознанія и заявленія потерпѣвшихъ прежде, чѣмъ привлечь къ дѣлу кого либо въ качествѣ обвиняемаго. Прокурорскій надзоръ и органы судебной власти вновь критикуютъ слѣдственный матеріалъ, а на судъ уже поступаютъ дѣла о такихъ обвиняемыхъ, для преданія суду которыхъ имѣются достаточныя и серьезныя основанія въ данныхъ предварительнаго изслѣдованія преступнаго событія. Но и при такой фильтраціи обвиненія нерѣдки случаи оправдательныхъ приговоровъ.

Въ совершенно безпомощномъ положеніи находится мировая юстиція по дѣламъ о преступленіяхъ, караемыхъ тюремнымъ заключеніемъ. Обвинителями по этимъ дѣламъ являются потерпѣвшіе и полиція. Въ практикѣ весьма часты случаи предъявляемыхъ потерпѣвшими обвиненій безъ достаточнаго основанія: на полицейскомъ дознаніи заявлено о кражѣ, мошенничествѣ, присвоеніи или растратѣ имущества, а на судѣ дѣло сводится къ расчетамъ сторонъ, подлежащимъ разрѣшенію въ порядкѣ гражд. судопр. Полиція наскоро составляетъ протоколъ по заявленію потерпѣвшаго, допроситъ двухъ-трехъ свидѣтелей, подтверждающихъ заявленіе, отмѣтитъ иногда отрицательный отвѣтъ заподозрѣннаго и направляетъ дознаніе „для привлеченія виновнаго къ уголовной отвѣтственности“. Полиція и лишена возможности подробно разслѣдовать всякую жалобу потерпѣвшаго и установить точную юридическую квалификацію событія, на преступномъ характерѣ котораго настаиваетъ потерпѣвшій.

Привожу примѣры изъ личной практики:

1) Потерпѣвшій на дознаніи предъявилъ обвиненіе въ томъ, что N выманилъ у него документъ на проданное ему дворовое мѣсто и запирается въ полученіи его (2 п. 174 ст. уст. о наказ.); показаніе свидѣтелей записано такъ, что они видѣли документъ въ рукахъ потерпѣвшаго. На судѣ оказалось, что потерпѣвшій далъ документъ для надписи обвиняемому, а послѣдній не соглашается дѣлать надпись, дополняющую условія о продажѣ, потерпѣвшій же не беретъ документа безъ надписи.

2) Кража лошади. Свидѣтели видѣли, какъ обвиняемый велъ лошадь. На судѣ потерпѣвшій объяснилъ, что онъ долженъ обвиняемому, который въ обезпеченіе долга хотѣлъ увести къ себѣ домой его лошадь, а онъ прямо въ полицію и тамъ заявилъ о кражѣ.

3) Обвиненіе въ присвоеніи шубы, принятой въ закладъ. Свидѣтель показалъ на дознаніи, что онъ носилъ деньги, но обвиняемый ихъ не принималъ, а на судѣ удостовѣрилъ, что ему обвиняемый сказалъ: „пусть самъ хозяинъ приходитъ за шубой“, и эти слова онъ передалъ потерпѣвшему. Такимъ образомъ осторожность залогодержателя послужила основаніемъ къ обвиненію въ присвоеніи.

4) Кража квартирантомъ котла изъ печки. Свидѣтели видѣли этотъ котелъ на другой квартирѣ обвиняемаго. На судѣ установлено, что по словесному договору квартирантъ имѣлъ право взять котелъ, какъ приобретенный на его средства, а потерпѣвшій все

твердилъ: „за котелъ я отдалъ бы деньги, но зачѣмъ онъ печку испортилъ и ушелъ съ квартиры, не сказавшись, вродѣ какъ воръ“.

Между тѣмъ судьба обвиняемыхъ въ рукахъ потерпѣвшаго и полиціи. По дѣламъ о преступленіяхъ, за которыя законъ караетъ тюремнымъ заключеніемъ, явка обвиняемыхъ на судъ обязательна. Поэтому достаточно жалобы потерпѣвшаго и небрежно составленнаго протокола полиціи, чтобы обвиняемаго, гдѣ бы онъ ни находился, тянуть на судъ по мѣсту совершенія проступка, при чемъ безразлично, насколько предъявленное обвиненіе соотвѣтствуетъ даже обстоятельствомъ дѣла, изложеннымъ въ дознаніи, и достаточны ли доказательства обвиненія. Судья долженъ отвѣтить даже на очевидно неправильное обвиненіе приговоромъ, постановленнымъ въ судебномъ засѣданіи въ присутствіи обвиняемаго. Вотъ одинъ печальный случай: дѣло о кражѣ на 1 рубль 50 копѣекъ въ г. Верхнеуральскѣ; ко дню разбора обвиняемый уже былъ въ мѣстѣ приписки и постоянного своего жительства въ Вятской губ., откуда онъ по вызову не явился, вслѣдствіе чего было подвергнуто приводу. Въ 50 дней доставили „приводнаго“ обвиняемаго къ судѣ. При разборѣ дѣла никакой кражи не установлено, а шель споръ о принадлежности вещи, при чемъ предметъ кражи оказался собственностью обвиняемаго, по удостовѣренію свидѣтелей. Оправданный по суду обвиняемый проситъ дать ему средства на дорогу или отправить его на родину тѣмъ же этапнымъ порядкомъ. Объявлено, что существуетъ лишь принудительный приводъ, но не „отводъ“. Обвиняемый утеръ слезы и удалился. Дѣло рѣшено, сдано въ архивъ, и судьба обвиняемаго предана забвенію.

Казалось бы, не должно быть различія въ пріемахъ изслѣдованія и критики предварительныхъ свѣдѣній по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ. Интересы правосудія и общей справедливости едва ли будутъ нарушены, если по уголовнымъ дѣламъ мировой подсудности предоставитъ право, предварительно привлеченія къ дѣлу обвиняемыхъ, прекращать производствомъ въ порядкѣ 309 или 277 ст. уст. угол. суд. по тѣмъ обвиненіямъ, въ которыхъ или отсутствуютъ признаки заявленныхъ преступленій, или улики для уголовного преслѣдованія противъ лицъ заподозрѣнныхъ. Не примѣняя суровыхъ мѣръ привода, можно съ успѣхомъ выяснитъ дѣло предварительнымъ допросомъ потерпѣвшаго и главныхъ свидѣтелей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ предупредить печальную необходимость вызова обвиняемыхъ на судъ для оправдательныхъ приговоровъ.

Подозрѣваемый въ совершеніи преступленія по дѣламъ общей подсудности будетъ названъ обвиняемымъ и подсудимымъ не на основаніи безграмотной жалобы потерпѣвшаго или скороспѣлаго протокола полиціи, а по доказательствамъ обвиненія, въ силу которыхъ то или другое лицо и привлекается къ дѣлу въ качествѣ „обвиняемаго“.

Привлеченіе къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, преданіе суду, осторожность въ выборѣ мѣръ пресѣченія, торжественное и серьезное судебное слѣдствіе, а главное непрестанный и строгій контроль надъ производствомъ предварительныхъ слѣдствій несомнѣнно

составляют полную гарантию прав обвиняемого, который до вызова в суд свободно может доказать ошибку или недобросовестность возбужденного против него подозрения. Снисходительное отношение к личности подсудимаго доходит до того, что явка его на суд признается обязательной лишь по преступлениям, за которые закон угрожает ограничением прав, а явка в апелляционную инстанцию обязательна по особому определению судебного места (583, 592, 879 и 879¹ ст. уст. угол. суд.). Не то в мировой юстиции: по дѣламъ, по которымъ можетъ быть назначено тюремное заключеніе, личная явка обвиняемыхъ безусловно обязательна, даже оправданные судомъ первой инстанціи на судъ апелляціонный по этимъ дѣламъ должны являться лично (60, 61, 157 ст. уст. угол. суд., 179, 180 и 225 ст. прав. и произ. суд. дѣлъ, т. XVI ч. 1 св. зак.).

Если принять во вниманіе, что волостные суды обходятся безъ личной явки обвиняемыхъ и безъ тюремнаго заключенія ихъ за кражи, то становится очевидной особенная строгость процесса по уголовнымъ дѣламъ мировой подеудности.

Въ виду сказаннаго необходимо придти къ слѣдующему выводу: слѣдуетъ мировымъ судьямъ и должностнымъ лицамъ, ихъ замѣнявшимъ, предоставить факультативное право, въ зависимости отъ обстоятельствъ дѣла и мѣста жительства обвиняемыхъ признавать обязательною личную явку подсудимыхъ по всѣмъ дѣламъ или разрѣшить примѣненіе 309 и 277 ст. уст. угол. суд. въ томъ смыслѣ, чтобы судья имѣлъ право отказывать въ привлеченіи къ дѣлу заподозренныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ и прекращать возбужденныя черепишки за отсутствіемъ въ нихъ признаковъ какого либо преступленія.

IV.

Юридическая помощь крестьянамъ.

Земскіе юрисконсульты.

Вопросъ о регулированіи сельской адвокатуры возникъ за послѣднее время не разъ, причемъ тутъ можно прослѣдить два ясно выраженныхъ направленія: правительственное и земское.

Правительственные проекты исходили изъ того несомнѣннаго факта, что невѣжественные и часто недобросовѣстные крестьянскіе повѣренные сплошь да рядомъ приводятъ къ проигрышу самыя правыя крестьянскія дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ зачастую подбиваютъ крестьянъ на веденіе явно безнадѣжныхъ и дорого стоящихъ процессовъ. Главнымъ толчкомъ къ правительственнымъ попыткамъ регулировать этотъ вопросъ преимущественно въ направленіи возможнаго стѣсненія дѣятельности доморощенныхъ адвокатовъ—послужило предъявленіе крестьянскими обществами разныхъ южныхъ губерній массы исковъ къ казнѣ, исковъ, въ которыхъ крестьяне домогались признанія за ними права собственности на тѣ земли, которыя они получили въ надѣлъ въ качествѣ земель казенныхъ, и за которыя они въ теченіе многихъ лѣтъ платили оброчную подать (такъ называемыя старозаимочныя земли). По расчету министер-

ства финансовъ въ случаѣ выигрыша крестьянами всѣхъ предъявленныхъ къ 1882 г. исковъ этого рода казнѣ пришлось бы вернуть крестьянамъ свыше 10.000,000 р. внесенной ими оброчной подати. Въ виду этого комитетъ министровъ, Высочайше утвержденнымъ 3 декабря 1882 г. положеніемъ его, между прочимъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ выработать законопроектъ объ урегулированіи дѣятельности крестьянскихъ повѣренныхъ. Къ 1886 г. это министерство, по соглашенію съ министерствомъ юстиціи, составило проектъ закона „о мѣрахъ къ ограниченію вредной дѣятельности повѣренныхъ по крестьянскимъ дѣламъ“. Но насколько намъ извѣстно, этотъ весьма любопытный проектъ не былъ утвержденъ въ законодательномъ порядкѣ.

Земскія начинанія въ этой области исходили изъ совершенно иной точки зрѣнія и имѣли въ виду почти исключительно доставленіе бѣднѣйшему населенію доброкачественной и бесплатной юридической помощи. Сознавая полную юридическую безпомощность крестьянъ не только въ дѣлахъ судебныхъ, но и вообще во всякаго рода вопросахъ и нуждахъ житейскаго обихода, Лохвицкое (Полтавской губ.) уѣздное земство остановилось на мысли учредить на земскія средства консультаціи, состоящія изъ одного-двухъ юристовъ, на обязанности которыхъ лежало бы оказывать бесплатную помощь крестьянамъ и вообще бѣднѣйшимъ классамъ населенія, составлять бумаги, давать совѣты, вести дѣла.

Вслѣдствіе протеста Полтавскаго губернатора вопросъ объ учрежденіи этой консультаціи восходилъ на разсмотрѣніе Сената, и Сенатъ разъяснилъ, что земству не предоставлено права организовать бесплатную юридическую помощь населенію уѣзда. Такимъ образомъ дѣло, задуманное Лохвицкимъ земствомъ, не могло осуществиться. Приблизительно одновременно съ этимъ проектъ учрежденія подобныхъ консультацій возникъ и въ другихъ земствахъ (въ Пермскомъ, Вятскомъ, Черниговскомъ и др.), но вслѣдствіе этого разъясненія Сената, несмотря на далеко не безусловную его убѣдительность, всѣ эти проекты не получили дальнѣйшаго движенія.

Въ виду такого положенія вещей, сложившагося столь неблагоприятно для осуществленія идеи земской адвокатуры, Ржевская земская управа вошла въ послѣднее земское собраніе съ докладомъ о необходимости ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о расширеніи въ соответственномъ смыслѣ компетенціи земства. Собраніе единогласно приняло это предложеніе и сдѣлало соответственное постановленіе.

Нынѣ, какъ передаетъ „Сынъ Отечества“, Александровская уѣздная земская управа запросила мѣнія 215 уѣздныхъ управъ по вопросу объ организаціи земской юридической помощи. Изъ запрошенныхъ управъ 15 процентовъ по какимъ то непонятнымъ для насъ причинамъ, которыхъ газета не приводитъ, высказалось противъ такого учрежденія, остальные же управы признали его необходимость.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующий Сенатъ.

Искъ о признаніи недѣйствительнымъ духовнаго завѣщанія.

23 февраля 1894 г. въ г. Кіевѣ скончалась дворянка Эмилія Ивановна Цемплевичъ, оставивъ почти все свое состояніе—три дома въ г. Кишиневѣ и капиталъ въ 50 т. рублей своей отдаленной родственницѣ, женѣ врача Еленѣ Александровнѣ Куэ, мичу родныхъ сестеръ, изъ которыхъ только одной, Маріи Ивановнѣ Валицкой, завѣщала движимость. Остальнымъ двумъ сестрамъ она завѣщала по 100 р. и такую же сумму завѣщала выдать дѣвѣцамъ Шилэ, Эйнеть и Перловской. Завѣщаніе это было утверждено къ исполненію, въ порядкѣ охранительнаго производства, Кишиневскимъ окружнымъ судомъ. Немедленно вслѣдъ за этимъ, обойденныя сестры, г-жи Строева и Лыщинская, предъявили въ томъ же окружномъ судѣ искъ къ г-жѣ Куэ объ уничтоженіи этого духовнаго завѣщанія на томъ основаніи, что во время составленія его завѣщательница не находилась въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Не желая нарушать интересы легатаріевъ, г-жи Строева и Лыщинская внесли 300 рублей для выдачи г-жамъ Эйнеть, Шилэ и Перловской, на случай, если духовное завѣщаніе будетъ признано ничтожнымъ. Когда искъ былъ предъявленъ, третья сестра, Марія Валицкая, подала прошеніе о вступленіи въ дѣло, въ качествѣ третьяго лица, на сторонѣ истицы, такъ какъ она вовсе не желаетъ воспользоваться правами своими по духовному завѣщанію, тѣмъ болѣе, что движимость, завѣщанная ей сестрою, отчасти продана, отчасти перешла во владѣніе той же г-жи Куэ. Несмотря на возраженіе повѣренныхъ г-жи Куэ, Марія Валицкая, опредѣленіемъ судьи, была допущена къ участию въ дѣлѣ въ качествѣ третьяго лица.

Кишиневскій окружный судъ, признавъ, что завѣщаніе составлено было въ здоровомъ умѣ, въ искѣ Строевой и Лыщинской отказалъ.

Одесская судебная палата, куда перешло дѣло по жалобѣ истицы, наоборотъ, признала Цемплевичъ психически ненормальною въ моментъ составленія духовнаго завѣщанія и удовлетворила искковыя требованія. На это рѣшеніе была подана кассационная жалоба со стороны повѣреннаго г-жи Куэ, прис. пов. В. Н. Герарда, въ коей указывалось, между прочимъ, что искъ о признаніи завѣщанія недѣйствительнымъ долженъ быть предъявленъ ко всѣмъ лицамъ, получающимъ выдачи по завѣщанію. Дѣло было передано изъ отдѣленія въ департаментъ и слушалось 28 апрѣля.

Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій сенаторъ П. А. Марковъ; докладывалъ сенаторъ А. Д. Батурунъ; заключеніе давалъ товарищъ оберъ-прокурора С. П. Фроловъ. Интересы Куэ поддерживалъ прис. пов. В. Н. Герардъ, Валицкой—прис. пов. Шмитовъ (изъ Кишинева), интересы Строевой и Лыщинской поддерживалъ прис. пов. С. В. Небольсинъ.

Въ своихъ объясненіяхъ прис. пов. Герардъ доказывалъ, что искъ объ уничтоженіи какого-нибудь акта долженъ поражать собою весь актъ а потому долженъ быть предъявленъ ко всѣмъ лицамъ, упомянутымъ въ томъ актѣ и въ немъ заинтересованнымъ. Это положеніе признано и Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1875 г. за № 923, по дѣлу Барышниковъ. Въ немъ Сенатъ призналъ, что принятіе къ производству дѣла по искамъ объ уничтоженіи духовнаго завѣщанія, обращеннымъ не ко всѣмъ лицамъ, въ пользу коихъ сдѣланы завѣщательныя распоряженія, представляется нарушеніемъ 4-й статьи уст. гр. суд. Далѣе, въ рѣшеніи по дѣлу Алексѣева—еще не опубликованномъ—Сенатъ подтверждаетъ, что искъ объ уничтоженіи какого-либо

акта, за неправопособностью лица, совершившаго его, долженъ поражать весь актъ, а не можетъ быть направленъ только на извѣстныя его части. Примѣняя эти общія положенія къ настоящему дѣлу, мы видимъ, что по духовному завѣщанію Цемплевичъ наслѣдницей является не только г-жа Куэ, но и легатаріи (Шилэ, Эйнеть и Перловская) и г-жа Валицкая, которой завѣщана движимость. Взносъ 300 р. для удовлетворенія легатаріевъ не мѣняетъ дѣла, такъ какъ тогда они получаютъ не по духовному завѣщанію, а даръ отъ истицы; что же касается присоединенія г-жи Валицкой въ качествѣ третьяго лица, на сторонѣ истицы, то оно неправильно. Валицкая должна быть отвѣтчицей по дѣлу. То, что она послѣдствіемъ, послѣ предъявленія иска, присоединилась къ истицамъ, не измѣняетъ неправоности, такъ какъ вопросъ о томъ, правильно ли предъявленъ искъ, опредѣляется моментомъ его предъявленія и содержаніемъ искового прошенія, но отнюдь не послѣдующими судебными дѣйствіями. Что же касается непривлеченія легатаріевъ, то оно не корректируется внесеніемъ слѣдующимъ имъ выдачъ, такъ какъ интересъ легатарія состоитъ не въ полученіи, вообще, извѣстной суммы, а въ полученіи ея во исполненіе духовнаго завѣщанія. А разъ духовное завѣщаніе будетъ уничтожено, то легатаріи будутъ лишены правъ своихъ на легаты.

Прис. пов. Шмитовъ и Небольсинъ доказывали, что положеніе о необходимости предъявленія иска ко всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ не выдерживаетъ критики, такъ какъ могутъ быть случаи отказа принятія отъ завѣщаннаго; къ этимъ-то лицамъ ужь во всякомъ случаѣ нельзя предъявлять иска. Далѣе, предметомъ гражданскаго иска является споръ о правѣ гражданскомъ, а разъ лицо не споритъ,—какъ на примѣрѣ Валицкая, то къ нему и иска нельзя предъявлять. Кромѣ того, Валицкая ясно высказалась относительно нежеланія наслѣдовать по завѣщанію и предпочла встать на сторону истицы: это ея право, и заставить ее поддерживать завѣщаніе, съ которымъ она несогласна, нельзя. Притомъ же, частное опредѣленіе суда по вопросу о допущеніи Валицкой въ качествѣ третьяго лица на сторонѣ истицы было извѣстно противной сторонѣ и ею не обжаловано и вступило въ законную силу, такъ что теперь уже поздно спорить противъ этого факта. Въ заключеніе гг. Шмитовъ и Небольсинъ указывали, что по мѣстному праву (законы Донича и Арменопуло) легатаріи не суть наслѣдники, слѣдовательно, къ нимъ не должно предъявлять иска, и затѣмъ, по смыслу тѣхъ же законовъ, даже по завѣщанію, признанному недѣйствительнымъ, легаты остаются въ силѣ, такъ что г-жи Шилэ, Эйнеть и Перловская ни въ какомъ случаѣ не были заинтересованы въ исходѣ дѣла.

Товарищъ оберъ-прокурора С. П. Фроловъ высказался за оставленіе кассационной жалобы безъ послѣдствій. Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: кассационную жалобу Куэ, за силою 793 ст. уст. гр. суд., оставить безъ послѣдствій.

С.-Петербургскій окружный судъ.

Дѣло Мержвинской¹⁾.

Свидѣтель Реймерсъ, сослуживецъ и интимный пріятель Соколова, показываетъ, что знакомство съ Мержвинской состоялось, по разсказу покойнаго, на улицѣ, при выходѣ изъ ресторана. Соколовъ принялъ участіе въ Мержвинской и помогалъ ей. Одновременно у него были и другія увлеченія, напримѣръ нѣкою Титовою, отъ которой у него былъ ребенокъ, и Екатериною Мути. Свидѣтель былъ крестнымъ отцомъ маленькаго Георгія и потому знаетъ хорошо отношенія его пріятеля къ Мержвинской. Отношенія

¹⁾ См. „Право“ № 18.

были нехорошія; Соколовъ третировалъ Мержвинскую, говорилъ о ней какъ о женщинѣ глухой, неразвитой, съ которой не о чемъ поговорить, какъ о дурной хозяйкѣ, матери. Сравнивая ее, напримѣръ, съ Титовой, онъ отдавалъ предпочтеніе послѣдней, какъ матери и хозяйкѣ, и говорилъ, что онъ охотно отдыхаетъ у нея. Кажется, причина предпочтенія, оказываемаго Соколовымъ Титовой, состояла въ томъ, что Титова держала ребенка при себѣ, а Мержвинская отдала своихъ на воспитаніе въ деревню. Объ отданныхъ на воспитаніе дѣтяхъ разговора между Соколовымъ и Мержвинской не заходило. Свидѣтель былъ у Мержвинской въ тотъ моментъ, когда привезли Георгія изъ деревни: мальчикъ легъ ничкомъ, не хотѣлъ ни пить, ни ѣсть и казался страшно удрученнымъ. Въ минуты особаго раздраженія противъ Мержвинской Соколовъ ему говорилъ о томъ, что у него подозрѣніе, что Жоржикъ — не его сынъ, а, вѣроятно, похищенный еврейскій мальчикъ, портретъ котораго помѣщенъ въ „Нивѣ“ (Соколовъ находилъ сходство между Жоржикомъ и портретомъ). Георгій былъ крещенъ по православному обряду, какъ сынъ Мержвинской и Мержвинскаго, хотя священнику было сказано, что ребенокъ — отъ Соколова. Мальчикъ былъ болѣзненный. Соколовъ его очень любилъ, холилъ, заботился о его леченіи.

На оживленные разспросы обвинителя, защиты и гг. присяжныхъ засѣдателей, Реймерсъ объяснилъ, что въ своихъ отношеніяхъ къ Соколову Мержвинская едва-ли руководствовалась какими-либо корыстными побужденіями. Мержвинская казалась горячо привязанной къ Соколову. Свидѣтель не придавалъ серьезнаго значенія болѣзни Соколова, такъ какъ онъ и раньше страдалъ желудкомъ и пичкалъ себя гомеопатіей. Поэтому онъ былъ несказанно удивленъ, узнавъ про безнадежное положеніе больного. Въ то время смерть Соколова ему не казалась неожиданной, но впоследствии, обсуждая ходъ его болѣзни, онъ находилъ ее загадочной. Соколовъ никогда не высказывалъ подозрѣнія, что связь его съ Мержвинской можетъ имѣть трагическій конецъ, хотя въ минуты раздраженія говорилъ о ней, какъ объ ужасной женщинѣ, но что именно онъ понималъ подъ этимъ словомъ, — онъ не объяснялъ. Между прочимъ, онъ говорилъ какъ-то свидѣтелю, что Мержвинская его возмущаетъ жестокимъ обращеніемъ съ своей дочерью Ольгою, и что эта жестокость отвращаетъ его отъ нея. На могилѣ Соколова Мержвинскою поставленъ довольно цѣнный памятникъ и рѣшетка. Послѣ смерти Соколова свидѣтель раза два заходилъ къ Мержвинской; образъ жизни ея нисколько не измѣнился къ лучшему и признаковъ особаго благосостоянія въ ея обиходѣ замѣтно не было.

Свид. Ольга Реймерсъ рассказала о послѣднихъ минутахъ жизни Соколова. У Соколова, хотя онъ заболѣлъ неожиданно и болѣлъ недолго, было предчувствіе смерти. У постели больного постоянно была только Мержвинская. Докторъ Твирбутъ опредѣлилъ болѣзнь Соколова какъ *neurasthenia gastrica*. Затѣмъ ему дѣлалось все хуже. Послѣ смерти Соколова Мержвинская послала свидѣтельницу къ г-жѣ Мути требовать какихъ-то денегъ, переданныхъ ей Соколовымъ, — надо сказать, что въ послѣдніе дни въ квартирѣ Соколова ощущалась большая нужда и дошло до того, что не на что было приобрести для больного подушку съ кислородомъ. Не желая сразу поразить Мути, свидѣтельница осторожно сказала ей про тяжелое положеніе Соколова. Когда она это услышала, ей сдѣлалось дурно. На требованіе денегъ отвѣтила отказомъ и произнесла слѣдующую фразу: „Мало-ли что я давала Соколову и что онъ мнѣ давалъ“. Такъ какъ Мержвинская очень убивалась, ее удалили въ другую комнату и не позволили присутствовать при умирающемъ. Когда онъ умеръ, она заявила, что заснѣржится. Опасаясь въ самомъ дѣлѣ, какъ бы она чего надъ собою не

сдѣлала, свидѣтельница забрала патроны и кинула ихъ въ рѣку. Послѣ смерти Соколова, Мержвинская, въ виду трупнаго запаха, царившаго въ комнатахъ, и тяжелыхъ воспоминаній, связанныхъ съ послѣдними минутами жизни покойнаго, не захотѣла остаться тамъ и перешла на нѣсколько дней къ роднымъ свидѣтельницамъ.

Присяжные засѣдатели. Знаете-ли свидѣтельница о выигрышѣ 5,000 рублей?

— Да, Соколовъ рассказывалъ, что выигралъ такую сумму на билетъ, купленный въ разсрочку.

— Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, свидѣтельница можетъ объяснить, что въ послѣдніе дни даже не на что было лекарства купить?

— Когда въ домѣ лежитъ тяжело-больной, тогда не время задаваться вопросомъ, куда дѣвались деньги, а надо ихъ доставать, если въ домѣ нѣтъ ничего.

По требованію обвинителя, поддержанному защитой и гражданскимъ истцомъ, судъ постановляетъ допросить при закрытыхъ дверяхъ слѣдующихъ свидѣтелей: австрійскаго подданаго Экспедита Осиповича Рамзу, Станислава Моржковского, Александру Давыдову и Екатерину Мути.

Свидѣт. Павлова и Лукашевичъ, служившія у Мержвинской, показали, что когда Мути приходила узнавать о состояніи здоровья Соколова, Мержвинская въ изступленіи выбѣгала и прогоняла свою соперницу шваброй. Мержвинская никому не позволяла ухаживать за больнымъ, сама убирала за нимъ и рвота больного всегда выносила до прихода докторовъ, такъ что тѣ не могли изслѣдовать ее.

Изъ показаній докторовъ Тувима, Твирбута, Вышегорскаго, Лопатинскаго, Покровскаго и Смирнова, приглашавшихся поочередно къ постели больного Соколова, видно, что одинъ констатировалъ острое желудочно-кишечное заболѣваніе, другой — камень въ печени, третій — желтуху, сердечныя страданія. Одни смотрѣли на болѣзнь Соколова, какъ на легкую форму разстройства желудка, и смерть явилась для нихъ неожиданностью. Несмотря на частыя рвоты, никому въ голову не приходило изслѣдовать ихъ.

Изъ разспросовъ врачей выяснилось, что, часто обращаясь за врачебной помощью, Мержвинская никогда почти не приглашала дважды одного и того же врача, а тѣмъ менѣе — не собирала ихъ на консилиумъ. Одинъ врачъ не зналъ про существованіе другого и про прописываемыя больному лекарства. Результатомъ являлось то, что больного по нѣсколько разъ пичкали одними и тѣми же сильно-дѣйствующими лекарствами и у него въ желудкѣ образовался какъ бы складъ ртути (отъ пріемовъ каломеля). А Мержвинская все давала больному сильно-дѣйствующія средства, позволяла принимать опій, дѣлать вырсыкиванія морфія, но въ то же время рвоты больного тщательно убирала и никому изъ врачей не показывала.

Затѣмъ допрашивается гражданская истица Бубе Цыцина, которая показываетъ, что 6-го сентября 1891 г. она вмѣстѣ съ Борухомъ и дѣвочкой Фейгой, 11-тилѣтъ, собралась напрогулку въ Юсуповъ садъ. Къ ней подсаживается молодая, прилично одѣтая дама, заводитъ разговоръ и тутъ же пускается въ откровенности насчетъ своего положенія. Она — провинціалька, пріѣхала сюда съ мужемъ, который ищетъ мѣста; она никакъ не можетъ мириться съ столичными порядками и, въ особенности, съ чертостью петербургскихъ обывателей. Незнакомка восхищается дѣтми, ласкаетъ Боруха. Изъ сада она провожаетъ Цыцину до воротъ ея дома, и такъ какъ она продолжаетъ свои жалобы на тоску и одиночество, а двухлѣтній Борухъ доврѣчиво жметъ къ новой „тетѣ“, Цыцина приглашаетъ незнакомку въ комнаты напиться чаю. Незнакомка съ радостью принимаетъ приглашеніе. Одно только удивило Цыцину въ ея новой знакомой, г-жѣ Ивановой (незнакомка назвалась полькой) — это то, что

она не снимала вуали съ лица даже во время чаепитія, хотя она, видимо, сильно мѣшала ей. Черезъ нѣсколько дней Иванова является снова, но на этотъ разъ прямо на квартиру. Радостнымъ голосомъ она заявляетъ, что мужъ ея получилъ мѣсто управляющаго, что они переѣхали изъ гостиницы и проситъ записать ея адресъ. По прежнему, на ней вуаль и пенсенъ прикрываетъ глаза. По прежнему, она особенное вниманіе удѣляетъ Боруху, котораго угощаетъ сливами. Когда Борухъ нечаянно проглатываетъ косточку и мать выражаетъ безпокойство по этому поводу, г-жа Иванова пускается въ подробныя анатомическія объясненія насчетъ желудка и кишечника, говоритъ, что она немного свѣдуща въ медицину, такъ какъ мать ея — акушерка въ гор. Витебскѣ. Начитанность и любезность г-жи Ивановой сильно импонируютъ бѣдной еврейкѣ, и когда она обращается къ Цыпиной съ просьбой отпустить съ ней дѣтей погулять, Цыпина видитъ въ этомъ только актъ любезности со стороны новой знакомой, такъ какъ сама, занятая приготовленіями къ субботѣ, не можетъ воспользоваться хорошимъ днемъ. По приходѣ въ Екатерининскій скверъ, Иванова посылаетъ дѣвочку за пирожными, но такъ какъ по Невскому было большое движеніе, Фейга не могла перейти и скоро вернулась обратно, но ни дамы, ни брата уже не нашла на мѣстѣ. Съ плачемъ бросилась она изъ сада по направленію къ дому.

Между тѣмъ Бубе Цыпина начала безпокоиться по поводу продолжительнаго отсутствія дѣтей, и выйдя на улицу, встрѣтила плачущую дочь, разсказавшую объ исчезновеніи Боруха. Цыпина поспѣшно бросается по оставленному г-жей Ивановой адресу, но тамъ никакой Ивановой не оказывается. Сдѣлали заявленіе въ полицію, помѣстили объявленія въ газетахъ, въ „Нивѣ“ былъ помѣщенъ разсказъ о похищенномъ Борухѣ, съ портретомъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Цыпина странствовала изъ города въ городъ, посѣтила Подольскую, Волынскую, Херсонскую губерніи, побывала во многихъ цыганскихъ таборахъ, гдѣ находились похищенные дѣти, но Боруха и слѣдъ простылъ. Истративъ на розыски свыше 800 рублей, Цыпины уже оставили надежду отыскать мальчика. И вдругъ знакомая ихъ, нѣкая г-жа Рачковская, приходитъ къ нимъ и заявляетъ, что она видѣла мальчика, вылитаго Боруха. Цыпина пошла сперва издали посмотреть на него и въ Климовомъ переулкѣ она увидѣла няню въ сопровожденіи мальчика, въ которому тотчасъ узнала своего сына. Оказалось, что ея Борухъ считается сыномъ нѣкоего Соколова, покойнаго, и воспитывается, какъ православный, подъ именемъ Георгія; что мать его содержится подъ стражей по обвиненію въ отравленіи. Она немедленно заявила полиціи и началось дѣло о похищеніи Боруха. Временно ей отдали Боруха на руки. О своемъ пребываніи въ домѣ Мержвинской мальчикъ говоритъ, что сперва ему было очень хорошо, что Соколовъ его очень любилъ и баловалъ, но что послѣ его смерти его стали хуже кормить, не выводили на прогулку и т. д. На первыхъ порахъ мальчикъ все какъ-будто боялся чего-то и пугливо озирался по сторонамъ; когда его спросили, чего онъ боится, онъ отвѣтилъ что боится себя зарѣзаннымъ, такъ какъ такъ и прежніе родители все говорили, что „евреи рѣжутъ христіанскихъ мальчиковъ“. Съ теченіемъ времени онъ успокоился и теперь совершенно ориентировался въ новой для него обстановкѣ. Какъ сама Бубе Цыпина, такъ и допрошенная затѣмъ двѣ дочери Цыпиныхъ показываютъ, что онъ хорошо помнитъ черты лица незнакомки, похитившей Боруха, и ни на минуту не колеблется признать ее въ лицѣ Мержвинской.

Пом. прис. пов. Феодосьевъ предлагаетъ старшей дочери Цыпина вопросъ, помнитъ ли она, въ какомъ платьѣ была въ день похищенія Боруха. Повѣренный гр.

истяпы, пом. прис. пов. Слюзбергъ, проситъ предсѣдателя воспретить защитѣ задавать вопросы, касающіеся къ тому, чтобы спутать свидѣтельница.

Предсѣдатель (прерывая повѣреннаго гражданскаго истца). Во-первыхъ, я не могу позволить такихъ выраженій по адресу вашего товарища; во-вторыхъ, руководство засѣданіемъ и признаніе, какіе вопросы можно, какіе нельзя предлагать — лежить на моей обязанности, въ-третьихъ, подлинный текстъ закона, который вы можете прочесть въ время перерыва, покажетъ вамъ, что дозволяется предлагать вопросы, имѣющіе цѣлью показать, что того или другого свидѣтель не можетъ помнить или знать.

Большую сенсацію произвело показаніе свидѣтельница Бенедевичъ и Филипповой. Бенедевичъ — это та женщина, у которой Борухъ Цыпинъ былъ опознанъ нѣкою Рачковскою. Она была нѣкогда жилищкой Мержвинской и помнитъ хорошо подлиннаго Георгія. Тотъ былъ блондинъ, между тѣмъ какъ привезенный Мержвинскою ребенокъ оказался рѣзкимъ брюнетомъ. На немъ былъ шелковый салопчикъ съ пелеринкой. Когда свидѣтельница стала допытываться, какимъ образомъ Георгій изъ блондина обратился въ брюнета, Мержвинская сперва дѣлала всевозможныя сбивчивыя показанія, наконецъ прямо созналась, что ея Георгій умеръ и потому она похитила ребенка, имѣющаго фамильное сходство съ Соколовымъ.

Показаніе это было подтверждено въ общихъ чертахъ Филипповой, служившей въ то время у Мержвинской въ качествѣ няни.

Г. Феодосьевъ проситъ удостовѣрить изъ показаній Цыпиныхъ на предварительномъ слѣдствіи, что Цыпина не сразу узнала Мержвинскую, и что тогда Цыпины, мать и дочери, не упоминали вовсе о томъ, что незнакомка носила пенсенъ. Соответствующее мѣсто оглашается и Цыпины объясняютъ, что если они тогда не говорили о пенсенѣ, то объясняется тѣмъ, что слѣдователь ихъ объ этомъ не спрашивалъ.

Въ виду разсказа свидѣтеля Александра Реймера о подозрѣніяхъ, которыя покойный Соколовъ высказывалъ по поводу вновь появившагося въ квартирѣ Жоржика, свидѣтелю Реймеру предъявляется № „Нивы“, гдѣ помѣщенъ портретъ похищеннаго Боруха, для опредѣленія сходства этого Боруха съ Жоржикомъ; свидѣтель заявляетъ, что портретъ въ „Нивѣ“ весьма мало похожъ на мальчика Соколова, но когда ему предъявляется оригиналъ, съ котораго снята копія въ „Нивѣ“, свидѣтель находитъ большое сходство между карточкой-оригиналомъ и тѣмъ мальчикомъ, котораго Мержвинская привезла отъ чухонки.

Пом. прис. пов. Слюзбергъ проситъ, если судъ найдетъ возможнымъ, не подвергать малолѣтнаго Боруха допросу, во избѣжаніе нравственныхъ потрясеній. Гг. присяжные засѣдатели, однако, изъявляютъ желаніе посмотреть Боруха и услышать нѣсколько его отвѣтовъ, для опредѣленія акцента. Борухъ заявляетъ предсѣдателю и суду сколько ему лѣтъ, что онъ умѣетъ читать и говорить по-еврейски, что онъ читаетъ по-русски по складамъ и списываетъ на томъ-же языкѣ съ тетради; что касается пребыванія у Мержвинской, то онъ говоритъ, что ему жилось не очень хорошо.

Засимъ допрашиваются врачи, пользовавшіе сестеръ Пучевичъ, г-жа Серебренникова, Омелянскій и Фейнбергъ. На всѣхъ болѣзнь сестеръ производила впечатлѣніе странности: не то дифтеритъ, не то холероподобное острое желудочное расстройство.

Свидѣтель Пригницъ, шуринъ О. Пучевича, показываетъ, что Оскаръ Пучевичъ человекъ безхарактерный, котораго легко было соблазнить и склонить на что-либо дурное. Когда родственники узнали про его связь съ Мержвинской, отъ него всѣ отвернулись, даже родная сестра, жена свидѣтеля,

перестала принимать его у себя. Дошло до того, что Оскаръ говорилъ какъ-то свидѣтелю о своемъ намѣреніи оставить жену и переѣхать къ Мержвинской. Насколько онъ знаетъ Оскара, онъ не былъ способенъ на инициативу: скорѣе женщины за нимъ ухаживали, чѣмъ онъ за ними. Эмилія стояла выше мужа по образованію. Она была женщина добрая, кроткая. Это былъ бракъ по любви, такъ какъ Оскаръ за женою денегъ не получилъ, а только тестъ (онъ же дядя) далъ ему мѣсто и кліентелу. О самой болѣзни сестеръ свидѣтель ничего опредѣленнаго сообщить не можетъ, знаетъ только, что и жена, поѣхавшая въ Сестрорѣцкъ, послѣ смерти Эмиліи вернулась больная; ее все тошнило и рвало, и она вынуждена была обратиться къ помощи врача. На похороны онъ ей запретилъ поѣхать, такъ какъ распространились слухи, что Эмилія умерла отъ заразной болѣзни. Жена рассказала свидѣтелю, что о связи Оскара Пучевича съ Мержвинской покойная Эмилія узнала отъ самой Мержвинской.

Свидѣтельница Андреева показываетъ, что послѣ смерти Эмиліи О. Пучевичъ послалъ ее изъ города въ Сестрорѣцкъ съ спеціальною цѣлью охранять дѣвочку Маргариту. Вдругъ она замѣчаетъ, что Мержвинская вкладываетъ ребенку въ ротъ леденецъ. Помня наставленіе отца, она выхватываетъ леденецъ и пробуетъ сама раскусить его. Внутри леденца была какая-то начинка, горькаго и страннаго вкуса. Она начала выплевывать куски, но, можетъ быть, что-нибудь и попало въ желудокъ. Немедленно у нея начались тошнота, рвоты, головныя боли, ее страшно жгло и все хотѣлось пить. Свидѣтельница хотѣла отыскать бумажку, чтобы узнать фабрику и сортъ конфетъ, но бумажка уже была кѣмъ-то подобрана. Ее и Маргариту отвезли въ городъ и направили въ Александровскую больницу. Она, однако, постѣснялась высказать подозрѣніе, что ей дурно отъ конфетъ, данной Мержвинской. Прележавъ нѣсколько дней въ больницѣ, она выписалась и скоро совсѣмъ поправилась. Объ отношеніяхъ ея барина (Оскара Пучевича) къ Мержвинской она можетъ сказать только, что Мержвинская являлась лѣтомъ на городскую квартиру, но баринъ приказалъ не пускать ея и не распечатывать ея писемъ. Мержвинская требовала съ барина какихъ-то денегъ и вещей. Разъ была такая сцена: Мержвинская явилась, когда въ квартирѣ былъ старикъ Пучевичъ (Иванъ). Они стали о чемъ-то громко спорить, и старый и молодой баринъ вытолкали Мержвинскую.

Допрощая Аманда Пучевичъ (матери отравленныхъ Екатерины и Эмиліи) ведется черезъ переводчика. На мысль объ отравленіи ея дочерей ее навелъ, по ея словамъ, самъ Оскаръ Пучевичъ. Мержвинская, какъ переселилась къ нимъ, стала всѣхъ угощать конфетами, причемъ для Екатерины выбирала „особенныя“ и какъ только этихъ „особенныхъ“ конфетъ поѣла Екатерина, такъ ей стало дурно. Сперва лечилъ Екатерину знакомый ихъ фельдшеръ Александровъ, но потомъ онъ пригласилъ доктора Омелянскаго. Не успѣли схоронить первую дочь, какъ заболѣла Эмилія. Во время ея болѣзни произошелъ такой случай: докторъ Омелянскій прописалъ больной, гогель-могель изъ яицъ съ виномъ. Приготовила этотъ гогель-могель Мержвинская. Какъ только Эмилія приняла его, ей сдѣлалось страшно дурно, открылись рвоты, сдѣлалась поносъ. Когда фельдшеръ Александровъ явился потомъ и попробовалъ остатки „гогель-могель“, онъ возмущился, какъ можно дать большой такую смѣсь. Лекарства для Эмиліи готовились частью въ вольной аптекѣ, частью Александровъ бралъ рецепты для изготовленія въ казенной аптекѣ. Своимъ зятемъ Оскаромъ Аманда Пучевичъ не была особенно довольна. Передъ свадьбой Эмилія спрашивала мать, какъ она думаетъ, можно-ли быть

счастливой съ человѣкомъ необразованнымъ. Она отвѣтила дочери, что это—ея задача. Объ измѣнѣ Оскара женѣ сообщила свидѣтельница Екатерина. Разъ какъ-то на балу она узнала, что Оскаръ невѣренъ сестрѣ, и, ворвавшись въ комнату, бросился на шею свидѣтельницѣ со словами: „О, мама! Эмилія несчастна“. Сама свидѣтельница замѣтила интимныя отношенія между зятемъ и Мержвинской въ Сестрорѣцкѣ, во время болѣзни Эмиліи. Когда послѣ похоронъ, она говорила съ зятемъ, онъ выражалъ ей подозрѣніе, что сестры отравлены Мержвинской, причемъ на вопросъ, какой расчетъ ей было отравлять Екатерину, онъ отвѣтилъ: „это она сдѣлала для отвода глазъ“.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Аманда Пучевичъ объяснила, что въ домѣ были сѣрыя пилюли, которыя фельдшеръ Александровъ далъ для травли крысъ. Во время болѣзни дочерей этихъ пилюль въ домѣ уже не было.

На вопросъ присяжнаго застѣателя, какъ послѣ двухъ загадочныхъ смертей и неожиданной болѣзни Маргариты свидѣтельница не пришла въ голову удалить Мержвинскую и она спокойно прожила до конца лѣта, свидѣтельница отвѣтила, что обрушившееся на нее горе было столь велико, что на нее какъ бы столбнякъ нашелъ и она совершенно растерялась.

Въ семьѣ Пучевичей открылся настоящій моръ. Пострадали не только люди, въ гибели которыхъ могла быть заинтересована Мержвинская, пострадали и посторонніе, приходившіе въ лѣто 1896 года въ соприкосновеніе съ этой злополучной семьей. Не избѣгла этой участи даже собака, жившая въ домѣ: она околѣла при крайне подозрительной обстановкѣ (впрочемъ, химическое изслѣдованіе внутренностей ея констатировало отсутствіе яда). Особенно интересно заболѣваніе прачки Мерзликовой: ей было поручено выстирать бѣлье послѣ покойницы Эмиліи Пучевичъ. Не успѣла она приступить къ кипяченію бѣлья, какъ поднявшіяся испаренія гнилостнаго запаха вызвали у нея головокруженіе и почти всѣ симптомы отравленія: рвоту, поносъ, головныя боли. Она не могла дальше продолжать стирки и въ полубезсознательномъ состояніи выведена изъ прачешной. Еще долго послѣ того она болѣла и чувствовала себя разбитой.

Сестра Оскара Пучевича Екатерина Пригницъ, показываетъ, что между Эмиліей и Мержвинской существовали дружескія отношенія: покойная считала Мержвинскую за лучшую свою подругу и ссорилась съ родными, доказывавшими, что Мержвинская—особа двоедушная и фальшивая. Изъ-за этой причины произошло охлажденіе между покойной и свидѣтельницей.

Свидѣтель Павелъ Александровъ военный фельдшеръ, былъ очевидцемъ послѣднихъ дней жизни обѣихъ сестеръ, онъ же отчасти подавалъ имъ первую медицинскую помощь, но о ходѣ болѣзни сестеръ ничего новаго не сообщилъ. Самъ онъ ихъ не лечилъ и давалъ имъ только простыя, домашнія средства (валеріанъ, мятныя капли); сильно дѣйствующихъ веществъ въ ихъ аптекѣ нѣтъ. Докторъ Омелянскій нашелъ у Екатерины Пучевичъ дифтеритъ, въ виду чего Эмилія съ ребенкомъ переѣхала въ городъ. Гогель-могель, который былъ данъ Эмиліи по совѣту доктора Омелянскаго, онъ пробовалъ и нашелъ его вкусъ нѣсколько страннымъ, какъ будто яйца были тухлыми. Послѣ приема гогель-могеля Эмилія почувствовала себя хуже, между тѣмъ какъ до того въ состояніи ея здоровья замѣчалась перемѣна къ лучшему. Онъ не слышалъ, что смерть Эмиліи приписывали заразной болѣзни. Объ интимныхъ отношеніяхъ между Мержвинской и Оскаромъ Пучевичемъ онъ узналъ лишь впоследствии. Онъ по просьбѣ Мержвинской скопировалъ текстъ трехъ векселей и фигурировалъ съ ея стороны въ качествѣ свидѣтеля по тяжбамъ ея съ Оска-

ромъ Пучевичемъ. На вопросъ обвинителя и нѣкоторыхъ гг. присяжныхъ засѣдателей, неужели онъ не понимаетъ, что съ векселями надо обращаться осторожно, свидѣтель отвѣчаетъ, что не видѣлъ ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы скопировать текстъ. Въ судѣ онъ долженъ былъ свидѣтельствовать о разговорахъ между Мержвинской и Оскаромъ Пучевичемъ о денежныхъ между ними расчетахъ.

Оскаръ Пучевичъ показалъ, что врачи объявили, что послѣ вторыхъ родовъ Эмилии онъ на годъ долженъ отказаться отъ супружескихъ сношеній съ Эмилией, такъ какъ она очень слаба, малокровна и дальнѣйшіе роды угрожаютъ опасностью ея жизни. Въ это время онъ и сталъ любовникомъ Мержвинской. Она натолкнула его на мысль о разлученіи съ женою. Когда онъ ей пожаловался какъ-то на плохое состояніе своихъ дѣлъ, она предложила ему ссудить 2,000 р. на дѣла, но съ тѣмъ, чтобы онъ оставилъ жену и переѣхалъ къ ней, но онъ отказался. Послѣ этого Мержвинская назначаетъ въ своей квартирѣ свиданіе мужу, приглашаетъ на тотъ-же часъ жену и, когда они оба сталкиваются у нея, она объявляетъ растерявшейся Эмилии о своихъ отношеніяхъ къ ея мужу. Эмилиа заявила мужу, что если онъ хочетъ оставаться съ Мержвинской, то она не будетъ ему дѣлать никакихъ сценъ и покорится своей участи. Оскаръ бросается въ догонку за женою. На извозчикѣ онъ чистосердечно рассказываетъ ей весь ходъ своихъ отношеній къ Мержвинской и проситъ прощенія у жены. Эмилиа прощаетъ мужа и при этомъ говоритъ: „Пусть тамъ мама и докторъ говорятъ, что хотятъ, а мы будемъ отнынѣ жить, какъ всѣ люди живутъ“. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ отношенія его къ женѣ были наилучшія и онъ уже ни разу не имѣлъ болѣе сношеній съ Мержвинской. Между тѣмъ, Мержвинская бомбардировала его письмами, въ которыхъ умоляла возобновить связь. Эмилиа, по благородству своей натуры, разъ простивъ его и Мержвинскую, не стала таить злобы противъ послѣдней, а, наоборотъ, считала ее самою лучшею своею пріятельницею.

Оскаръ Пучевичъ категорически отрицалъ, чтобы когда-либо занималъ у Мержвинской деньги подъ векселя. Если нашлись у Мержвинской векселя съ бланками его и жены, то они безусловно подложные. Взялъ онъ какъ-то у нея двѣсти рублей на честное слово и черезъ мѣсяцъ вернулъ. Не только онъ не считаетъ себя ея должникомъ, но за короткое ихъ знакомство онъ потратилъ на нее около 1,000 руб.

Затѣмъ допрашивается квартирная хозяйка и жильцы квартиры, гдѣ проживала Мержвинская во время своей связи съ Соколовымъ. Всѣ они рисуютъ ее жилищкой скромной, тихой, которую навѣщала одинъ человѣкъ (Соколовъ). Въ показаніяхъ одной изъ нихъ, нѣкоей г-жи Ковашъ, встрѣчается указаніе и на одновременныя посѣщенія блондина. Этотъ блондинъ, явившись какъ то послѣ переѣзда Мержвинской на другую квартиру за ея вещами, выражалъ сожалѣніе, что она начала пить, говорилъ, что жаль ребенка, дѣвочки Ольги.

Къ концу судебного слѣдствія Мержвинская неожиданно заявляетъ, что векселя отъ имени Оскара и Эмилии Пучевичъ — подложны, хотя не она ихъ составляла. Дѣло было такъ: Пучевичъ дѣйствительно взялъ у нея деньги, но безъ векселя, а платитъ не желалъ. Вотъ ей и посоветовалъ одинъ человѣкъ, котораго она называетъ не желаетъ, составить отъ имени Пучевича обязательство, и притомъ на двойную сумму. Тогда онъ, явившись въ судъ, будетъ спорить противъ цифры, а существованіе долга будетъ доказано признаніемъ отвѣтника. Такъ она и сдѣлала. Если же въ письмахъ къ Оскару Пучевичу выставила себя бѣдной женщиной, у которой онъ отнял послѣднія средства, такъ это было сдѣлано для того, чтобы разжалобить его.

Фотографическая и каллиграфическая экспертиза

подтверждаютъ, что подложны не только векселя и росписки О. и Э. Пучевичей, но и всѣ остальные обязательства. По убѣжденію экспертовъ, текстъ и подписи на документахъ скопированы съ одного оригинала, путемъ надавливанія на синюю копировальную бумагу. Такой способъ поддѣлокъ относится къ самымъ грубымъ видамъ подлоговъ.

Экспертъ-химикъ удостовѣряетъ, что по изслѣдованіи внутренностей Соколова и сестеръ Пучевичъ, въ нихъ найдено присутствіе яда—мышьяка, а также ртути. Экспертъ демонстрировалъ суду и присяжнымъ какъ способы опредѣленія нахождения яда въ организмѣ, такъ и самыя трубочки, въ которыхъ хранятся налеты мышьяка, извлеченные изъ разныхъ органовъ покойныхъ: сердца, печени, легкихъ, мозга и т. п.

Изъ числа экспертовъ-медиковъ первымъ давалъ заключеніе проф. Ивановскій. Изложивъ передъ судомъ исторію болѣзни Соколова, какъ она выяснилась изъ показаній свидѣтелей и отзывовъ пользовавшихся его врачей, экспертъ установилъ прежде всего, что Соколовъ, несомнѣнно, былъ здоровый человѣкъ, о чемъ свидѣтельствуется исправное состояніе сердца (аорты и клапановъ) черезъ три года послѣ погребенія. Симптомы, наблюдавшіеся у Соколова, представляютъ полную картину отравленія мышьякомъ. Мышьякъ былъ данъ въ большой дозѣ, о чемъ свидѣтельствуется и отличное состояніе сердца, не подвергшагося гніенію. Врачи не могли констатировать отравленія, такъ какъ мышьяковистое отравленіе при жизни трудно диагностировать, при отсутствіи у врача подозрѣній, въ виду того, что симптомы его свойственны всѣмъ вообще видамъ желудочно-кишечнаго заболѣванія.

Что касается Эмилии Пучевичъ, то нахожденіе въ ея внутренностяхъ гораздо большаго количества мышьяка, чѣмъ у сестры ея и Соколова, въ связи съ показаніемъ свидѣтелей, что въ болѣзнь ея одно время замѣчался поворотъ къ лучшему, приводитъ экспертовъ къ убѣжденію, что Эмилиа мышьякъ вводила въ два приема. Присутствіе у Соколова и Эмилии и Екатерины Пучевичей ртути объясняется приемами каломеля. Ртутнаго отравленія при тѣхъ дозахъ, которыя прописывались имъ врачами, не могло быть. Узнать вкусъ мышьяка въ жидкомъ растворѣ (напримѣръ, въ гогель-могелѣ) нельзя, даже если онъ всыпанъ въ большомъ количествѣ, въ особенности въ пищевыхъ веществахъ, имѣющихъ свой вкусъ. Этимъ объясняется популярность мышьяка, какъ яда. Не допускаетъ экспертъ также отравленія парами мышьяка (случай съ Мерзаликовой). Относительно Маргариты Пучевичъ и яни Авдотьи Андреевой онъ полагаетъ, что симптомы ихъ болѣзни соотвѣтствуютъ отравленію мышьякомъ, но данныхъ для рѣшительнаго вывода нѣтъ.

Заключеніе перваго эксперта было подтверждено и проф. фонъ-Анрепомъ, указавшимъ, что мышьякъ распределяется равномерно, и что, такимъ образомъ, изслѣдовавъ количество мышьяка въ однихъ органахъ, можемъ эмпирически, путемъ простого умноженія, приблизительно опредѣлить количество мышьяка. Въ данномъ случаѣ оно составитъ приблизительно 0,580 грамма. Докторъ Кобылинъ присоединился къ мнѣнію своихъ коллегъ.

Оглашаются показанія мужа подсудимой и крестнаго отца, нѣкоего Пежо. Первый показываетъ, что прожилъ всего девять мѣсяцевъ съ женою; она оказалась существомъ порочнымъ до мозга костей. Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ свадьбы, какъ она стала путаться съ другими. Разъ, встрѣтивъ ее съ какимъ-то ухаживателемъ на улицѣ, онъ сталъ горячо ее упрекать и требовать, чтобы она немедленно оставила кавалера и шла домой. Въ это то, чтобы покориться ему, она съ бранью набросилась на него. Произошла свалка и онъ же попалъ за буйство къ мировому. Перетерпѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ такой семейной каторги, онъ добился сепарации и навсѣгда

потерял изъ вида свою супругу. Гдѣ она теперь, каковы средства ея существованія—онъ не знаетъ, да и не интересуется: радъ, что развязался.

Пежо, наоборотъ, рисуетъ Мержвинскую дѣвухой хорошей, способной, которая испортила себѣ жизнь тѣмъ, что вышла замужъ хотя и за дворянина, но субъекта грубого и въ развити своемъ стоящаго на одной ступени съ извозчикомъ. Послѣ развода съ мужемъ, нѣкоторыя средства къ жизни Мержвинская получала отъ матери, которая къ тому времени выслужила пенсію у него, свидѣтеля. Кроме того, въ судьбѣ ея принималъ дѣятельное участіе ксендзъ Копаило, который, какъ доподлинно извѣстно свидѣтелю, снабдилъ Мержвинскую нѣкоторыми средствами послѣ ея развода и, не теряя ея и послѣ того изъ виду, отъ времени до времени приходилъ ей на помощь.

Затѣмъ оглашаются письма Соколова къ Мержвинской и Мержвинской къ Оскару Пучевичу. Первые были найдены при обыскѣ у Мержвинской въ самомъ аккуратномъ видѣ, вторыя — представлены слѣдственной власти Оскаромъ Пучевичемъ (8 писемъ). Соколовъ, между прочимъ, писалъ:

„Вашему подслушиванью и подсмѣиванью надо мною насталъ конецъ, довольно морочить меня, теперь я буду подсмѣиваться надъ вами. Здоровье терять для васъ, для такой женщины, есть непростительная глупость. Вы будете счастливы только съ тѣмъ человѣкомъ, который на васъ будетъ смотрѣть, какъ на вещь... Стыдно такъ поступать со мною, пора бы кажется образумиться; вѣчно притворяться юрдивою нельзя“.

„Я эту ночь не спалъ. Съ одной стороны проклятая боль замучила, съ другой мысль о вчерашней сценѣ. Я ничего не могу понять, что это за столпотвореніе вавилонское. Положимъ, я приписываю свое бѣшенство и вашему невыносимому обращенію, но кто заставляетъ меня ходить къ вамъ—это уже самодурство. Какъ ни думай, а приходишь къ одному заключенію, что обѣ стороны виноваты: одинъ задержка, а другая—неуступиха. Тутъ ужъ на ладъ никогда не пойдетъ, и потому, не теряя здоровья ни тому, ни другому, слѣдуетъ прекратить знакомство“.

„Маруся, ей Богу, устаешь съ вами возиться, дайте покой, терпѣніе у меня лопнетъ, мое здоровье требуетъ покойной жизни. Пожалуйста, дайте покой: вѣдь всю жизнь проводилъ такъ“.

„Считаю нужнымъ извиниться,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—за нанесенное мною оскорбленіе, вызванное тобою, твоею грубою дерзостью. При какихъ бы то ни было обстоятельствахъ нанесено оскорбленіе, все-таки не считаю себя правымъ на томъ основаніи, что эти повторныя дерзости происходятъ отъ грубой и вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютно глупой женщины; отъ такой нужно было давно шапку въ руки, расшаркаться и удалиться совсѣмъ, я же не дѣлалъ этого, думая исправить тебя, но почему-то не удалось, а, можетъ быть, не стумѣлъ“. Одно изъ послѣднихъ писемъ Соколова говоритъ какъ будто о твердомъ желаніи порвать эту связь: „два года и девять мѣсяцевъ какъ я мучаюсь съ вами,—достаточно время было передѣлаться вамъ, если хотѣли. Два года 9 мѣсяцевъ употреблялъ всѣ старанія сдѣлать изъ васъ порядочную женщину—и что же вышло. Вы остались такой же, а изъ меня успѣли сдѣлать за это время палача. Кто изъ насъ виноватъ, свидѣтелей быть не можетъ, свидѣтельница—наша совѣсть. Будетъ время, подскажетъ совѣсть, если теперь не создаемся. Я теперь могу сказать, положи руку на сердце—не виноватъ я въ томъ, что такъ печальна развязка нашего знакомства, но все-таки убѣдительно, въ послѣдній разъ прошу прощенія. Пусть проститъ и Оля (дочь Мержвинской отъ мужа)“.

Мержвинская пишетъ Пучевичу: „Умоляю тебя, какъ честнаго человѣка, притти на пару словъ... Прошу

тебя объ одномъ—не давай читать писемъ милой женѣ, съ которой тебѣ трудно расстаться, какъ видно, теперь. Не будь такъ жестокъ и безчеловѣченъ ко мнѣ“. Въ другомъ письмѣ она умоляетъ его притти къ ней хоть на $\frac{1}{4}$ часа, сообщаетъ ему, что она беременна, но не на 4-мъ мѣсяцѣ, какъ она говорила ему раньше, а на 4-й недѣлѣ. Сообщаетъ ему, будто жена высказывала ей, что она вышла замужъ, любя другого, и если не расхочется съ мужемъ, то лишь ради своихъ родителей и для избѣжанія стыда. „Считала тебя всѣмъ на свѣтѣ,—говорить далѣе Мержвинская,—ты былъ мой отецъ, братъ; вспомни: ты обѣщаль замѣнить Васю Соколова, вспомни твою клятву, вспомни эти слова: „Маруся, требуй все, что хочешь, я твой навсегда“. И послѣ этихъ словъ что вышло? Какъ ты измѣнился! Теперь ты требуешь и хочешь моей смерти; я исполню, но только на твоемъ порогѣ, у твоихъ ногъ трупъ мой будетъ лежать. Что скажешь тогда твоя совѣсть и какъ тогда ты будешь счастливъ съ женою“. „Оскаръ, какъ тебѣ не стыдно нагло издѣваться надо мною, чѣмъ я заслужила это издѣвательство и наглую шутку. Ты находилъ время бывать у меня, пока не воспользовался моей слабостью; прошу тебя, какъ честнаго человѣка, дать мнѣ отвѣтъ, почему ты со мною такъ безчеловѣчно и нагло поступилъ и какая цѣль была знакомиться со мною“.

„Любезный Оскаръ Карловичъ, какъ ни старалась я примириться съ моимъ настоящимъ положеніемъ, но, къ большому моему сожалѣнію, никакъ не могу. Думай теперь обо мнѣ какъ хочешь, а я должна наложить на себя руки, а тебѣ пожелать всего, всего хорошаго“.

На этомъ закончилося судебное слѣдствіе. Пренія сторони будутъ напечатаны въ слѣд. №.

Вердиктомъ пр. засѣдателей: Мержвинская признана виновною 1) въ отравленіи Соколова, но безъ корыстныхъ цѣлей, и заслуживающею снисхожденія. Капиталовъ и имущества не похищала; 2) въ отравленіи Екатерины Пучевичъ—заслуживающею снисхожденія; 3) въ отравленіи Эмилиі Пучевичъ—также заслуживающею снисхожденія; 4) по обвиненію въ покушеніи на отравленіе Маргариты Пучевичъ признана невиновною; 5) признано доказаннымъ похищеніе ребенка у Цыпиныхъ и виновною въ этомъ преступленіи признана Мержвинская, но безъ корыстныхъ видовъ, и заслуживающею снисхожденія. И наконецъ, 6) признана виновною во всѣхъ подлогахъ и также заслуживающею снисхожденія.

Повѣренный гражданскаго исца просить, въ удовлетвореніи гражданскаго исца, признать мальчика, именовавшагося Георгіемъ Мержвинскимъ и проживавшаго въ квартирѣ Мержвинской, за сына Цыпиныхъ, и дать ему выписку изъ приговора суда въ этой части.

Въ возмѣщеніе расходовъ по розыскамъ Боруха Цыпина присудить его довѣрителямъ 810 р.

На основаніи вердикта гг. присяжныхъ засѣдателей, жена дворянина, Марія Феликсовна Мержвинская, 35 лѣтъ, приговорена, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія—къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ; по обвиненію въ покушеніи на отравленіе Маргариты Оскаровны Пучевичъ признана по суду оправданною. Въ удовлетвореніи гражданскаго исца, судъ опредѣлилъ ребенка, находившагося въ квартирѣ подсудимой и именовавшагося Георгіемъ Мержвинскимъ, признать законнымъ сыномъ Хайма и Вубе Цыпиныхъ, Борухомъ; въ возмѣщеніе расходовъ по розыскамъ Боруха Цыпина, присудить гражданскому истцу 810 рублей. Въ этой части приговора выдать повѣренному гражданскаго исца выписку изъ приговора; восемь векселей и четыре документа, представленные къ дѣлу, признать недѣйствительными и, перечеркнувъ, оставить въ произволѣ суда. Настоящій приговоръ, по вступле-

ни въ законную силу, представить, на основаніи 845 ст. уст. уг. суд., черезъ министра юстиціи, на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Въ окончательной формѣ приговоръ будетъ объявленъ 17-го мая 1899 года.

Хроника.

Въ прибавленіи къ № 97 „Пр. Вѣстн.“ напечатано:

Государь Императоръ, по разсмотрѣніи вопроса о ссылкѣ и каторгѣ, въ особомъ совѣщаніи, подъ личнымъ Его Императорскаго Величества предѣлательствомъ, Высочайше соизволилъ принять во вниманіе нижеслѣдующее:

Установленная еще въ XVII столѣтіи ссылка преступниковъ въ Сибирь нѣкогда содѣйствовала заселенію этого обширнаго и обильнаго естественными богатствами края, нуждавшагося въ рабочихъ силахъ для проведенія дорогъ, постройки крѣпостей и воздѣлыванія государственныхъ земель; съ теченіемъ же времени въ тѣсную связь съ ссылкой была приведена и самая каторга. Но, по мѣрѣ того, какъ стали прибывать въ Сибирь все въ большемъ и большемъ числѣ свободные переселенцы, созидавшіе честнымъ, тяжелымъ трудомъ свое благосостояніе въ дотолѣ пустынной странѣ, дальнѣйшее направленіе туда ссылныхъ оказывалось не только бесполезнымъ, но и вреднымъ для края. Между тѣмъ, ссылка и каторга въ Сибири заняли первенствующее мѣсто въ строѣ карательныхъ учрежденій Имперіи. Трудность продолжительнаго пѣшеатнаго слѣдованія въ этотъ дальній край и всевозможныя лишенія, ожидавшія сосланнаго на мѣстѣ его водворенія, придавали ссылкѣ значеніе тяжкаго, устрашающаго наказанія, а крайняя затруднительность возвращенія на родину побуждала видѣть въ ссылкѣ наиболее надежную мѣру для огражденія мѣстностей Европейской Россіи отъ вредныхъ людей. Съ усовершенствованіемъ путей сообщенія и способовъ пересылки арестантовъ, а равно съ общимъ культурнымъ развитіемъ Сибири, ссылка постепенно утрачивала свой карательный характеръ, вредъ же, наносимый ею Сибири, съ каждымъ годомъ усугублялся. Въ настоящемъ ея видѣ она служитъ въ большей части случаевъ лишь къ возвращенію какъ самихъ сосланныхъ, такъ и мѣстнаго населенія, а частые побѣги съ мѣстъ поселенія вызываютъ появленія во внутреннихъ губерніяхъ бездомныхъ бродягъ, увеличивающихъ собою классъ людей, опасныхъ для мирнаго населенія. Въ равной мѣрѣ и каторга, являющаяся въ установленной законами лѣстницѣ наказаній наиболее тяжкою карательною мѣрою, въ дѣйствительности потеряла, въ значительной степени, свойство таковой и потому требуетъ кореннаго преобразованія.

Такое положеніе ссылки и каторги составляло предметъ Царственныхъ заботъ въ Бозѣ почивающихъ Императоровъ Александра II и Александра III,

предуказавшихъ необходимость измѣненія дѣйствующихъ по сему предмету законоположеній.

Приемля сїя заботы какъ завѣтъ, отъ Предковъ унаслѣдованный, и усматривая въ ссылкѣ тяжкое бремя для Сибири и препятствіе на пути гражданскаго преуспѣянія этого края, призываемаго нынѣ къ всестороннему обновленію, Его Величество Государь Императоръ, въ 6-й день мая 1899 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: приступитъ къ безотлагательному разрѣшенію вопроса объ отмѣнѣ или ограниченіи ссылки, назначаемой какъ по суду, такъ и въ порядкѣ административномъ, по приговорамъ мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ; для исполненія же таковой Монаршей воли:

I. Образовать, подъ предѣлательствомъ министра юстиціи, комиссію изъ чиновъ министерства юстиціи и представителей подлежащихъ вѣдомствъ.

II. Возложить на сїю комиссію разработку предположеній:

1) о замѣнѣ ссылки, назначаемой по суду, другими соотвѣтственными наказаніями;

2) объ отмѣнѣ или ограниченіи административной ссылки по приговорамъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ;

3) о переустройствѣ каторги и послѣдующаго за ней поселенія;

4) объ упорядоченіи участи ссылныхъ, находящихся нынѣ въ Сибири;

5) о преобразованіи учреждений, вѣдающихъ пересыльную часть и распредѣленіе ссылныхъ;

6) объ учрежденіи принудительныхъ общественныхъ работъ и рабочихъ домовъ, какъ мѣръ предупредительныхъ и карательныхъ,—и

7) о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для осуществленія мѣропріятій, вызываемыхъ отмѣною или ограниченіемъ ссылки и преобразованіемъ карательныхъ учреждений.

III. Предоставить министру юстиціи, по мѣрѣ составленія въ означенной комиссіи отдѣльныхъ предположеній, непосредственно и безъ предварительнаго сношенія съ вѣдомствами, испрашивать Высочайшія указанія относительно дальнѣйшаго направленія сихъ предположеній, смотря по свойству ихъ, въ Государственный Совѣтъ, комитетъ министровъ или комитетъ сибирской желѣзной дороги.

Высочайше утвержденное особое совѣщаніе для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовного уложенія, какъ мы слышали, прошло до настоящаго времени около трехсотъ статей проекта (въсѣхъ статей 594). Съ наступленіемъ лѣтнихъ ваканцій работы совѣщанія будутъ прерваны до осени. Какъ мы уже сообщали, завершенія работъ можно ожидать въ теченіе предстоящей сессіи 1899—1900 года. Дальнѣйшая судьба проекта будетъ зависѣть отъ отношенія къ нему соединенныхъ департаментовъ и—въ заключительной стадіи—общаго собранія Государственнаго Совѣта.

Главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей разъяснило, что еще въ іюнѣ 1898 г. министерствомъ финансовъ, по соглашенію съ

министерством внутренних дѣлъ (циркуляръ отъ 26 іюня 1898 г. за № 260), сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы приговоры сельскихъ обществъ о воспрещеніи производства питейной торговли въ чертѣ усадебной осѣдлости принимались во вниманіе при разсмотрѣніи дѣлъ объ открытіи казенныхъ и частныхъ заведеній для продажи питей въ селеніяхъ,—если приговоры составлены съ соблюденіемъ указанныхъ въ упомянутомъ циркулярѣ требованій.

Въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ объ установленіи въ законодательномъ порядкѣ особой **натуральной повинности по укрѣпленію береговъ рѣкъ и озеръ** по указанію технического надзора и подъ его руководствомъ, по примѣру существующей уже дорожной повинности.

(„Жизнь и Иск.“).

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ изъ печати составленное государственною канцеляріею, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества председателя Государственнаго Совѣта, изданіе положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ, съ изложеніемъ разсужденій, на которыхъ оно основано. Цѣль этого изданія—способствовать уясненію истиннаго смысла упомянутого закона, внесшаго весьма крупныя нововведенія въ нашу податную систему, и облегчить правильное его примѣненіе на практикѣ какъ правительственными и общественными установленіями, такъ и обширнымъ кругомъ частныхъ лицъ, интересы которыхъ онъ затрагиваетъ. Самое изданіе распадается на два отдѣла. Въ первомъ помѣщенъ текстъ Высочайше утвержденныхъ 8 іюня 1898 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта и положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ, съ постатейными объясненіями, извлеченными изъ представленія министерства финансовъ и журналовъ Государственнаго Совѣта. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя узаконенія, имѣющія связь съ положеніемъ о государственномъ промысловомъ налогѣ, а также инструкціонныя указанія, изданныя административными вѣдомствами въ разъясненіе названнаго положенія.

— На дняхъ изъ Харьковской судебной палаты поступили въ Правительствующій Сенатъ кассационныя жалобы защитниковъ на приговоръ по дѣлу бр. Скитскихъ. По слухамъ, жалобы эти будто разсмотрѣны въ засѣданіи уголовного касс. департамента.

Въ Θεодосіи, по словамъ „Кр. Вѣсти“, впервые состоится съ 17 по 20 мая включительно засѣданія сессіи Одесской судебной палаты съ сословными представителями. Въ числѣ первыхъ будетъ разсматриваться громкій процессъ о злоупотребленіяхъ въ нынѣ упрядненномъ Керченскомъ коммерческомъ судѣ. Суду преданы бывшій председатель суда А. М. Страховичъ, который обвиняется въ бездѣйствіи власти, въ превышеніи ея и въ допущеніи цѣлаго ряда злоупотребленій по канцеляріи (330, 341 и 362 ст. улож. о нак.). Сподвижниками Страховича были старшій членъ суда

А. А. Апостоловъ и секретарь П. П. Качевъ, обвиняемые въ лихоимствѣ и въ злоупотребленіяхъ по канцеляріи (362 и 872 ст. улож. о нак.). По дѣлу вызываются болѣе 20 свидѣтелей.

18 мая въ Московской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей назначено къ слушанію дѣло о 95 лицахъ, обвиняемыхъ: семь—какъ главные виновники и руководители беспорядковъ, происходившихъ 7 октября 1897 г. на бумагопрядильной и ткацкой фабрикѣ товарищества Викулы Морозова съ сыновьями и сопровождавшихъ насиліями надъ личностями, похищеніемъ и поврежденіемъ чужого имущества и вторженіемъ въ чужія жилища; семьдесятъ три—какъ непосредственные участники этого преступленія, и пятнадцать—въ укрывательствѣ имущества, похищеннаго во время упомянутыхъ беспорядковъ, а крестьянинъ Алексѣй Семеновъ Игнадьевъ, помимо прямого участія въ беспорядкахъ, обвиняется еще въ умысленномъ поджогѣ обитаемаго дома.

Фабрика находится въ мѣстечкѣ Никольскомъ, (Орѣхово-Зуево тожъ), Покровскаго уѣзда, Владимірской губ. Существеннымъ моментомъ беспорядковъ былъ разгромъ квартиры директора прядильнаго отдѣленія Чарнока, причѣмъ полиція стрѣляла изъ револьверовъ и смертельно ранила въ сердце рабочаго Марка Иванова Крюкова, который,—пробѣжавъ нѣсколько шаговъ,—упалъ мертвымъ; кромѣ того, раненъ пулею въ бокъ девяти-лѣтній мальчикъ Тушинъ. Особенностью всего происшедшаго 7 октября 1897 г. на фабрикѣ Викулы Морозова было участіе многихъ рабочихъ въ прекращеніи беспорядковъ: чернорабочіе и ткачи съ колыями разгоняли бунтовщиковъ. Рабочіе выставили требованіе 9-часового рабочаго дня, вмѣсто 12-часового, ссылаясь на существующій уже короткій (9-часовой) рабочій день на фабрикѣ Саввы Морозова, и вмѣстѣ съ этимъ—соотвѣтственнаго повышенія расцѣпки.

Для защиты обвиняемыхъ ѣдутъ въ Москву нѣкоторые петербургскіе адвокаты.

Въ Виленской судебной палатѣ слушалось недавно дѣло по обвиненію пристава 3-го стана Бѣлостокскаго уѣзда Гриневицъ, брата его, состоящаго у него въ должности письмоводителя, и полицейскаго урядника Карповича и др. въ истязаніи въ становой квартирѣ дѣвицы Марцинкевичъ. Они били ее по лицу такъ сильно, что лилась кровь изо рта. Затѣмъ она была опрокинута на полъ и ей нанесены были побои кулаками и ногами. Наконецъ, одинъ ей сѣлъ на голову, а другой сталъ сѣчь по голому тѣлу нагайкой такъ сильно и жестоко, что, какъ свидѣтельствуется десятской, все тѣло ея изрублено и кровь лилась изъ ранъ. Хотя освидѣтельствованіе было совершено спустя двѣ недѣли гродненскимъ городскимъ врачомъ, все-таки были найдены на тѣлѣ явные слѣды истязанія. Судебная палата приговорила пристава къ заключенію при военной гауптвахтѣ, а брата его, какъ малолѣтній, приговоренъ къ двухнедѣльному аресту при полиціи.

(„Сѣв. Зап. Кр.“).

26 апрѣля въ особомъ присутствіи Казанской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, разсматривалось **дѣло по обвиненію крестьянъ деревень: Самушкиной, Сотлайкиной, Пизинеръ и Анать-Касовъ, Ядринскаго уѣзда, въ количествѣ 40 человекъ, въ преступленіи, пред. 271 ст. улож. о нак.**

Лѣтомъ 1898 года свѣяжскій уѣздный землемѣръ Лутовиновъ, въ исполненіе рѣшенія Казанскаго окружнаго суда отъ 13 марта 1892 г., производилъ размежеваніе дачи села Троицкаго Асакасы, Ядринскаго уѣзда, причемъ ему приходилось отъ одного изъ обществъ означеннаго села, именно 1 Тинсаринскаго, состоящаго изъ крестьянъ деревень: Сатлайкиной, Самушкиной, Пизинеръ и Анать-Касовъ, отрѣзать около 200 десятинъ въ пользу другихъ обществъ и между прочимъ и въ пользу причта села Русской-Сормы. Отрѣзка въ пользу послѣдняго должна была состояться 3 сентября 1898 г., но еще за нѣсколько дней до этого стали ходить слухи, что крестьяне 1 Тинсаринскаго общества не желаютъ допустить таковой отрѣзки и рѣшились силою воспротивиться таковой. Въ виду этихъ слуховъ землемѣръ Лутовиновъ обратился съ просьбою къ приставу 2 стана Ядринскаго уѣзда объ оказаніи ему помощи при означенномъ отмежеваніи, и тотъ командировалъ въ его распоряженіе на 3 сентября полицейскаго урядника Голова и полицейскаго стражника Пичужкина, съ которыми въ означенное число Лутовиновъ въ сопровожденіи земскаго начальника 3 участка Ядринскаго уѣзда Николаи, священниковъ села Русской-Сормы Тринитатова и с. Аликова Александра Левашева, послѣдняго какъ депутата отъ духовнаго вѣдомства, довѣренныхъ отъ другихъ обществъ и понятыхъ отправился въ поле. Въ началѣ отмежеваніе въ пользу причта села Русской-Сормы шло вполне безпрепятственно и часамъ къ 12 дня почти уже оканчивалось. Но въ это время вдаль показалась довольно большая толпа народа, направлявшаяся къ мѣсту работъ. Толпа эта, повидимому, была въ возбужденномъ состояніи, такъ какъ о чемъ-то громко шумѣла. Вскорѣ отъ нея отдѣлилось человекъ 50, изъ коихъ нѣкоторые были вооружены палками, и съ крикомъ: „здесь межуютъ, подите сюда, бей ихъ всѣхъ и межевого барина, всѣ за деньги работаютъ“, бросились на понятыхъ и довѣренныхъ другихъ обществъ, сопровождавшихъ землемѣра, вырвали у нихъ вѣхи, желѣзныя лопаты и межевую цѣпь, причемъ послѣднюю тотчасъ же разорвали на шесть частей. Послѣ этого вѣхами и лопатами они стали наносить побои довѣреннымъ и понятымъ, причемъ по одному разу по спинѣ коломъ ударили священника Левашева и урядника Голова. Земскому начальнику и землемѣру Лутовинову хотя побой и не нанесли, но на послѣдняго нѣсколько разъ замахивались кольями съ крикомъ: „бей землемѣра, онъ наемный“, не нанесли же ударовъ благодаря только тому, что таковыя были отстраняемы окружающими его рабочими по размежеванію. Нѣкоторымъ удары наносились до того сильные, что отъ нихъ тѣ падали прямо на землю. Въ то время какъ одни изъ нападавшихъ наносили побои, другіе старались уничтожить уже проведенную межу, засыпая ее. Хотя земскій начальникъ Николаи, урядникъ Голова и стражникъ Пичужкинъ уговаривали

нападавшихъ прекратить учиняемое ими, но тѣ на ихъ уговоры не обращали никакого вниманія и прекратили нанесеніе побоевъ только тогда, когда землемѣръ Лутовиновъ и всѣ сопровождавшіе его, усѣвшись на бывшую съ ними телѣгу, уѣхали съ мѣста работъ.

Приговоромъ особаго присутствія палаты 5 обвиняемыхъ были приговорены къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ, четверо—на 6 мѣсяцевъ, пятеро на 3 мѣсяца и одинъ (какъ несовершеннолѣтній) на 1½ мѣсяца. Остальные 25 человекъ оправданы.

(„Ниж. Лист.“)

„Русскому Слову“ пишутъ, что въ непродолжительномъ времени Костромскому окружному суду предстоитъ разсмотрѣть одно **интересное дѣло по обвиненію крестьянина** Нерехтскаго уѣзда Павла Филиппова Кулькова, семидесятилѣтняго старца, въ томъ, что онъ, въ силу своихъ отцовскихъ правъ, постагалъ своего 45-лѣтняго женатаго сына Степана Кулькова настолько усердно, что тотъ отдалъ Богу душу.

12 лѣтъ тому назадъ г-жа Гаврино возбудила у московскаго столичнаго мирового судьи **дѣло по обвиненію кр. братьевъ Николая и Ивана Усачевыхъ въ кражѣ у нея трехъ паръ обуви.** Бр. Усачевы горячо и настойчиво отрицали всякое участіе въ дѣлѣ и горячо отстаивали свою невиновность.

Семь человекъ свидѣтелей удостоверяли alibi бр. Усачевыхъ, заявивъ на судѣ, что между 1—2 часами дня (время совершенія кражи) Николай Усачевъ былъ въ трактирѣ, а Иванъ Усачевъ сидѣлъ дома и нигуда не выходилъ. Судья, однако, нашелъ виновность бр. Усачевыхъ доказанной, въ виду чего и приговорилъ ихъ: Ивана къ 6-мѣсячному тюремному заключенію, а Николая Усачева—къ 10-мѣсячному.

Приговоръ этотъ въ апелляціонномъ порядкѣ не былъ обжалованъ, и бр. Усачевы отбыли тюремное заключеніе.

Все это случилось въ 1887 году.

Отбывая въ тюрьмѣ наказаніе, бр. Усачевы обращаются съ прошеніемъ къ прокурору и ходатайствуютъ о новомъ разбирательствѣ дѣла, но прошеніе, безтолково составленное, остается безъ послѣдствій.

Отбывъ наказаніе, малограмотный Иванъ Усачевъ приступаетъ къ изученію юриспруденціи, начинаетъ выписывать разныя юридическія изданія, дѣлательно изучаетъ ихъ и начинаетъ даже самъ корреспондировать въ „Юридическую Газету“, причемъ одновременно съ этимъ подаетъ прошенія въ различныя присутственныя мѣста, но все оказывается безплоднымъ.

Наконецъ въ минувшемъ мартѣ бр. Усачевы черезъ своихъ повѣренныхъ возбудили ходатайство у мирового судьи г. Шемшурина о возстановленіи въ настоящее время апелляціоннаго срока для обвиненныхъ.

На судѣ свидѣтели, присутствовавшіе 12 лѣтъ тому назадъ на разборѣ дѣла бр. Усачевыхъ, удостоуверили, что обвиненные Усачевы, по объявленіи приговора, остались недовольны и просили перенести дѣло въ сѣздъ, т.-е. заявили словесный апелляціон-

ный отзывъ, который, однако, не былъ занесенъ судьей въ протоколъ.

Мировой судья постановилъ: возстановить для бр. Усачевыхъ срокъ на подачу апелліаціи на приговоръ мирового судьи отъ 23-го марта 1887 года.

8 апрѣля 1899 года дѣло о кражѣ 3 паръ обуви у г-жи Гаврино разсматривалось въ сѣздѣ. Такъ какъ на судъ явились не все свидѣтели, то сѣздъ постановилъ дѣло отложить. („Народъ“).

По словамъ корреспондента „Сар. Листка“ недавно въ с. Грачахъ, Николаевского уѣзда, крестьянинъ названнаго села, по ремеслу кузнецъ, съ женой, дочерью 14 лѣтъ, сыномъ 4 лѣтъ и груднымъ ребенкомъ, вечеромъ вышли изъ села и, отойдя версты 3, раздѣвшись до нага, легли на разостланную на снѣгу одежду. Утромъ 17 марта, найдено было 5 труповъ, совершенно раздѣтыхъ... О причинѣ такой смерти цѣлой семьи говорятъ, что несчастные сдѣлались **жертвой религіознаго фанатизма**, такъ какъ вся семья будто принадлежала къ какой-то сектѣ, въ которой самоубійство считается подвигомъ и поощряется.

„Черном. Вѣстн.“ сообщаетъ, что бывший тифлисскій губернаторъ **Ѡ. А. Быковъ** вступилъ въ **корпорацию присяжныхъ повѣренныхъ** округа Тифлисской судебной палаты.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Общее собраніе.

Въ засѣданіи 1 мая выслушано было заключеніе ревизіонной комиссіи по отчету за 1898 годъ и объясненія Совѣта, данныя по поводу этого заключенія. Собраніе утвердило самый отчетъ, принявъ предложенія совѣта (иниціатива коихъ принадлежитъ ревиз. комиссіи) о назначеніи премій за научныя монографіи по всеѣмъ отраслямъ юриспруденціи. Совѣтъ находилъ, что выдача подобныхъ премій несомнѣнно послужитъ къ оживленію дѣятельности общества и потому весьма желательна, въ тѣхъ предѣлахъ, конечно, въ какихъ дозволить это средства общества. Современемъ даже явится, можетъ быть, возможность учредить особый капиталъ, изъ процентовъ съ котораго выдавались бы преміи. Капиталъ этотъ могъ бы быть образованъ путемъ постепеннаго отчисленія свободныхъ средствъ общества, отчасти же и изъ частныхъ пожертвованій. Обсужденіе вопросовъ объ источникахъ, изъ которыхъ можно бы найти средства для выдачи премій, объ условіяхъ такой выдачи, — напр., опредѣленіе: кѣмъ, въ какомъ размѣрѣ, за какія монографіи должны бы назначаемы преміи, кому должны быть предоставлены выборъ темъ для этихъ монографій и оцѣнка ихъ, — словомъ разработку

подробностей совѣтъ возложилъ на особую комиссію, съ тѣмъ, чтобы соображенія этой комиссіи сообщены были совѣту для доклада съ его заключеніемъ общему собранію. Такую комиссію совѣтъ предложилъ общему собранію составить подъ предсѣдательствомъ В. Д. Спасовича, изъ предсѣдательствующихъ отдѣленій общества и членовъ ревизіонной комиссіи М. М. Винавера, Л. І. Петражицкаго и П. А. Юренева.

Затѣмъ были произведены выборы дѣйствительныхъ членовъ общества изъ кандидатовъ, предложенныхъ совѣтомъ. Единогласно избранными оказались Гг. Гагенъ, Шутовъ, Шейнъ, Ильяшенко, Папковъ и Едличко.

Послѣ этого г. Винаверъ произнесъ рѣчь, часть которой напечатана въ настоящемъ №. Содержаніе бесѣды между членами общества по поводу рѣчи г. Винавера мы сообщимъ въ слѣдующемъ №, въ которомъ будетъ помѣщено и окончаніе этой рѣчи.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Гражданское отдѣленіе.

Въ засѣданіи 4 мая дѣйствительный членъ общества М. А. Лозина-Лозинскій прочелъ докладъ на тему „Крестьянскій дворъ“.

Понятіе крестьянскаго двора выросло на почвѣ дореформеннаго крѣпостного строя, когда дворъ былъ оброчно-податной единицею, тягломъ, съ которымъ имѣли дѣло и помѣщикъ, и администрація; имущество двора принадлежало помѣщику на правѣ собственности, находилось въ пользованіи двора подъ управленіемъ домохозяина. Послѣ паденія крѣпостного права юридическія условія жизни существеннымъ образомъ измѣнились. При этомъ необходимо различать два момента: переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ состояніе временнообязанныхъ, когда надѣлъ каждаго крестьянскаго двора поступилъ въ потомственное пользованіе проживающаго въ дворѣ семейства; и во-вторыхъ, переходъ на выкупъ, когда надѣлъ, состоявшій въ пользованіи двора, сдѣлался собственностью домохозяина. Такимъ образомъ, „по закону выкупленные крестьянами подворные участки, а также усадьбы при общинномъ владѣніи, составляютъ собственность домохозяина, а не семьи“.

Права членовъ двора по отношенію къ домохозяину собственнику остались не урегулированными въ законѣ отчасти потому, что отношенія эти не регулируются и въ другихъ сословіяхъ, отчасти изъ уваженія къ обычному праву. Извѣстныя особенности крестьянской семьи были подмѣчены изслѣдователями обычнаго права и по освобожденіи: семья обыкновенно не дѣлится и по смерти общаго родоначальника, сознаніе индивидуальной собственности развито весьма слабо, при раздѣлахъ придается особое значеніе трудовому началу. Но все эти особенности крестьянской семьи отнюдь не приводятъ къ „крестьянскому двору, какъ собственнику надѣла, — онъ вполне мирится и съ личною собственностью домохозяина. Обычное право крестьянъ нигдѣ не

установило начала принадлежности земли и имущества особому коллективному субъекту—крестьянскому двору; этот последний всецело создание сенатской практики. Но решения Сената, установившие, путем толкования закона, принцип принадлежности подворного участка крестьянскому двору, противоречат закону и между собою. Действительно, по смыслу этих решений то „дворъ“ является юридическим лицом, то члены его являются совладельцами общего имущества, то наконец вся полнота прав собственности на дѣль предоставляется лично домохозяину, а за „крестьянскимъ дворомъ“ остается голое название собственника. Затѣмъ докладчикъ, указавъ на то, что администрація тоже стремится провести начало коллективной собственности крестьянского двора, подробно остановился на тѣхъ отвѣтахъ, которые дали губернскія совѣщанія на предложенный комиссіей министерства внутреннихъ дѣлъ вопросъ: „желательно-ли ввести въ законъ установленное уже толкованіями его правило о принадлежности подворного участка цѣлому двору?“ Въ виду того, что отвѣты совѣщаній собственно на этотъ вопросъ недостаточно его освѣщаютъ, докладчикъ, коснувшись вопроса о замѣчаемомъ, въ особенности въ южныхъ губерніяхъ, увеличивающемся сознаніи личной собственности, перешелъ къ вопросу о семейныхъ раздѣлахъ, и о причинахъ ихъ вызывающихъ, причемъ изложилъ собранію весь тотъ матеріалъ, который содержится въ отвѣтахъ губернскихъ совѣщаній и который краснорѣчиво объясняетъ неизбежность разложения большихъ семей, въ особенности семей сводныхъ, гдѣ уже нѣтъ въ живыхъ общего родителя.

Нѣсколько разъ указавъ на то, какъ нуждаются крестьяне въ прочныхъ основахъ ихъ гражданскихъ правоотношеній, въ частности на необходимость такого разрѣшенія вопроса о крестьянскомъ дворѣ, которое исходило бы исключительно изъ строгой правовой точки зрѣнія, докладчикъ замѣтилъ, что и тѣ соображенія политическаго характера, изъ какихъ обыкновенно исходятъ сторонники „большихъ семей“, отнюдь не говорить въ пользу собственности „крестьянскаго двора“. Прежде всего семейные раздѣлы эту конструкцію не устраняются, ибо происходятъ въ силу вещей. Съ точки же зрѣнія тѣхъ послѣдствій, къ которымъ приводятъ раздѣлы при томъ или другомъ взглядѣ на то, кто собственникъ имущества, нельзя не отдать предпочтенія личной собственности домохозяина. Во вторыхъ эта послѣдняя конструкція является болѣе благоприятною и съ точки зрѣнія обезпеченія всѣхъ членовъ семьи землею. Всѣ культурные народы, всѣ культурные слои и русскаго государства пришли къ сознанию того, что интересы всѣхъ членовъ семьи лучше всего обезпечиваются при личной собственности отца семьи. Въ томъ, что интересы малолѣтнихъ членовъ двора будутъ лучше обезпечены при признаніи права собственности за ихъ отцомъ, чѣмъ при дядѣ домохозяинѣ въ дворѣ-собственникѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ третьихъ, нельзя говорить, чтобы признаніе двора коллективнымъ собственникомъ мѣшало бы отчужденію крестьянскихъ земель. Запретить отчуждать землю не то же самое, что обезпечить фактическое пользованіе ею. Въсѣтѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что единоличный собственникъ сумѣетъ лучше распорядиться

своею землею, чѣмъ многоголовый дворъ. Создавать же теорію „крестьянскаго двора“, имѣя въ виду специально отцовъ-расточителей, значить ради единицъ ставить подъ общую опеку цѣлое сословіе.

Но несостоятельность всѣхъ этихъ политическихъ соображеній имѣетъ для настоящаго вопроса несравненно меньшее значеніе, сравнительно съ тѣми соображеніями, которыя доказываютъ юридическую, частно-правовую несостоятельность теоріи крестьянскаго двора. Прежде всего эта теорія лишена юридической сущности. Крестьянскій дворъ, какъ собственникъ надѣльнаго имущества, не можетъ быть подведенъ подъ какую либо юридическую категорію.

Юридическая конструкція крестьянскаго двора невозможна ни на принципѣ общей собственности его членовъ, ни на принципѣ владѣнія ихъ въ качествѣ юридического лица.

Правда, Сенатъ въ концѣ концовъ былъ приведенъ къ тому, что призналъ „дворъ“ юридическимъ лицомъ. Но какое же это юридическое лицо—корпорация или учрежденіе? Это не корпорация, потому что ни условия пріема новыхъ членовъ, ни порядокъ постановленія рѣшеній, ни наличность въ дворѣ несовершеннолѣтнихъ несогласуемы съ основными началами устройства корпорации. Точно также дворъ не можетъ быть признанъ и учрежденіемъ, съ домохозяиномъ въ качествѣ представителя: кто назначаетъ его? Чтобы послѣдовательно провести эту теорію, пришлось бы земскимъ начальникамъ предоставить право выбора домохозяина въ каждомъ дворѣ.

Конструкція крестьянскаго двора невозможна и по принципу: *gesammte Hand*, предлагаемому г. Гуляевымъ. Познакомивъ слушателей весьма подробно съ существомъ самаго принципа и съ тѣми выводами изъ него, какіе, примѣнительно къ нашему „двору“, дѣлаетъ изъ него г. Гуляевъ, М. А. Лозина-Лозинскій находитъ, что эта теорія, являясь сплетеніемъ юридического лица, общей собственности и договора товарищества, неприложима къ крестьянскому двору, который не есть юридическое лицо, въ которомъ нѣтъ общей собственности его сочленовъ, и родственная связь членовъ котораго исключаетъ возможность договорнаго происхожденія существующихъ въ немъ правоотношеній. Теорія г. Гуляева не даетъ отвѣта на вопросъ, кто является домохозяиномъ. Повидимому тотъ, кто платитъ повинности. Самое же слабое мѣсто теоріи то, что она не даетъ никакихъ правъ членамъ двора. Во всемъ рѣшающимъ является усмотрѣніе домохозяина, его отношенія къ членамъ не носятъ правового характера.

Теорія „крестьянскаго двора“ есть неудачная гипотеза, къ которой прибѣгли изслѣдователи обычнаго права для объясненія такихъ явленій, которыя вполне объяснимы и при теоріи личной собственности.

М. А. Лыкошинъ указалъ, что хотя, действительно, семейная общность имущества и совместная жизнь большой семьей, послѣ упраздненія крѣпостнаго права, переживаетъ серьезный кризисъ, и хотя теперь наблюдается стремленіе къ индивидуальной собственности, съ выводами докладчика тѣмъ не менѣе согласиться нельзя.

Прежде всего невѣрно то положеніе, будто по за-

кону выкупленные участки составляют собственность домохозяина, а не всей семьи. Несомненно, что составители общего и местных положений о крестьянах и положений о выкупе, стояли на разных точках зрения. Положение о выкупе наиболее индивидуалистично. В виду этого нельзя упрекать решения Сената, установившего принцип „крестьянского двора“ в противоречии закону. Статей закона, говорящих о семейной собственности, во всяком случае не меньше тех, которыми говорят о собственности личной. Что законодатель и теперь стоит на точке зрения семейной собственности, видно хотя бы из закона о семейных разделах, представляющего явное отрицание личной собственности. В виду сбивчивости и противоречий закона можно только удивляться последовательности сенатской практики, никогда не уклонявшейся от принятой ею точки зрения. Что в теории „крестьянского двора“ существуют некоторые пробелы и неясности (права домохозяина), то это неизбежно по самому характеру правотворческой деятельности Сената. Разъяснение закона не давало определенного ответа на вопрос о том, кто собственник надъла, Сенату пришлось искать ответа в обычном праве. Нельзя согласиться с докладчиком, чтобы обычное право крестьян нигде не установило начала принадлежности земли двору. Нельзя не признать того, что все исследователи обычного права, кроме одного С. В. Пахмана, который в этом вопросе стоит особняком, подметили, разное его толкуя, начало семейной собственности.

Положения докладчика, что собственность домохозяина лучше обеспечивает семью, чем семейная, опровергается фактами. Оппонент сослался тут на Новороссийский край, в частности на колонистов, у которых при юридически личной собственности преобладают большие неделящиеся семьи с фактически установившейся семейной собственностью.

На почве справедливости защищать у крестьян такую же личную собственность главы семьи, какая существует у культурных классов, нельзя: в последнем женщины и, по крайней мере в течение значительного времени, дети ничего не вносят в семью и даже требуют от нее весьма значительных издержек. Между тем в крестьянском быту уже 13—15-летние подростки, не говоря уже о женщинах, принимают участие в создании имущества семьи. Поэтому, в противоположность к культурным классам, бытовые условия крестьянской жизни требуют признания за всеми членами семьи известных прав на принадлежащее ей имущество.

По мнению оппонента, те выводы, к которым пришел докладчик, существенно изменились бы, если бы он исходил не из понятия „двора“, а из „семейной собственности“. Она бы не привела к альтернативе: юридическое лицо — общая собственность. Семейная собственность и по происхождению своему и по существу есть совершенно своеобразный юридический институт, встречающийся и в Индии, и у германцев, и у южных славян. Того, чтобы ее не было в России, докладчик не установил. Губернские совещания все, или во всяком случае значительным большинством, высказались в пользу семейной собственности.

Г. В. Слюзберг по поводу ссылки А. И. Лыкошина на семейную собственность у колонистов Новороссийского края заметил, что ведь их земли, не надельные, а купленные, и следовательно несомненно составляющие их личную собственность. Если и тут видят семейную собственность, то ее надо видеть всюду, где есть рабочая семья. Затем, если считать, что и движимое имущество является тоже семейной собственностью, то получается, что и объект, и субъект этого права коллективны. Наконец семейная собственность есть экономическая, а не юридическая факт: это ни корпорация, ни учреждение, ни общая собственность. Да и Сенат не знает этой семейной собственности и прямо называет крестьянский двор юридическим лицом.

На это М. А. Лыкошин заметил, что земли колонистов являются в сущности надельными, ибо покупаются „кадетам“ колонистов на их общественные (овчарные) капиталы. Но некоторые исследователи наблюдали такой же вид собственности и относительно купленных земель.

За поздним временем дальнейшие прения были отложены, и после нескольких слов докладчика, указавшего на неопределенность самого понятия семейной собственности, заседание было закрыто.

Библиография.

Die Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichender Darstellung. Herausgegeben von der internationalen kriminalistischen Vereinigung,

II. Band: Das Strafrecht der aussereuropäischen Staaten. Herausgegeben von D-r Franz von Liszt und D-r Georg Crusen. Berlin, 1899.

Первый том капитального и широко задуманного издания международного союза криминалистов, посвященный уголовному праву европейских государств, вышел в свет пять лет тому назад. В настоящее время мы считаем необходимым отметить появление второго тома, содержащего огромное количество сведений, совокупностью которых исчерпывается все положительное уголовное право, действующее в цивилизованных государствах земного шара. Каждая из 25-ти монографий, на которые распадается книга, снабжена указателем литературы, представляющим драгоценное пособие для всякого, желающего поближе изучить то или другое местное уголовное право.

Множество данных впервые подвергнуты систематической научной обработке; собранные вместе, они должны быть признаны богатым вкладом в науку уголовного права. Было бы весьма желательно, чтобы огромное предприятие, задуманное и начатое благодаря энергии проф. Листа и отзывчивости лиц, взявших на себя составление отдельных монографий, удалось довести до конца. Вышедшие два тома представляют одно замкнутое целое. Предстоят еще три тома, из коих первый будет посвящен сравнительной теории общей части, а два других — особенной части. От успеха подписки зависит довершение этого, до сих пор единственного в уголовно-юридической литературе, труда, который, конечно, заслуживает самого широкого распространения среди всех образованных юристов.

В. И.

Судебная и административная практика.

Московская судебная палата.

Артель и стачка.

Въ апрѣлѣ 1898 г. артель рабочихъ изъ 5^х чело-
вѣкъ нанялась на заводъ Гилль, Крапивенскаго
уѣзда Тульской губ., для исполненія нѣкоторыхъ
цементныхъ работъ за извѣстную сдѣльную плату.
Срокъ найма былъ опредѣленъ до 1 ноября. Всея
артели была выдана одна расчетная книжка на
имя двухъ артельныхъ старостъ, а при расчетѣ
фабрика имѣла дѣло только съ ними, выдавая имъ
деньги, заработанныя всей артелью, для распреде-
ленія между отдѣльными ея членами уже по ихъ
взаимнымъ расчетамъ. 20 мая артель черезъ своего
старосту заявила, что не можетъ работать на преж-
нихъ условіяхъ и проситъ прибавки, въ противномъ
же случаѣ 1 іюня работу прекратить. Просьба ихъ
уважена не была и 1 іюня артель на работу не вы-
шла. Результатомъ всего этого явилось обвиненіе,
возбужденное противъ 3-хъ рабочихъ по 1358¹ ст.
улож. о нак.; противъ остальныхъ обвиненіе не воз-
буждалось, такъ какъ они черезъ нѣкоторое время
вновь поступили на работу. Тульскій окружный
судъ оправдалъ одного изъ подсудимыхъ, и по
апелляціонной жалобѣ двухъ другихъ дѣло это
13 февраля слушалось въ Московской судебной
палатѣ.

Палата нашла, что:

„Въ дѣйствіяхъ артели, членами которой состо-
яли К. и Т., имѣются на лицо всѣ признаки пре-
ступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 1358¹ ул.
Если рабочіе и составляли артель, *представителями*
которыхъ являлись двое изъ старшихъ рабочихъ,
на имя которыхъ и была выдана расчетная книжка,
то изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы отвѣтственность
за прекращеніе работъ по соглашенію всей артели
до срока найма и притѣмъ съ цѣлью принужденія
администраціи къ возвышенію заработной платы,
не могла быть возложена на всю артель или на от-
дѣльныхъ ея членовъ; если артель, какъ это было
въ данномъ случаѣ, поступивъ на заводъ на опре-
дѣленный срокъ и на извѣстныхъ условіяхъ, требу-
еть до истеченія срока найма измѣненія условій
найма, а затѣмъ, не получивъ удовлетворенія, пре-
кращаетъ работы, то въ такихъ ея дѣйствіяхъ, осно-
ванныхъ на соглашеніи всѣхъ ея членовъ, имѣются
всѣ признаки преступленія—стачки“.

Изложенныя соображенія палаты едва-ли разрѣ-
шаютъ затрудненія настоящаго дѣла.

Палата не отвергаетъ того, что по характеру
своего договора съ фабрикой артель является юри-
дическимъ лицомъ, и тѣмъ не менѣе уголовную
отвѣтственность за дѣйствіе, совершенное этою
артелью, какъ юридическимъ лицомъ, она считаетъ
возможнымъ возложить на отдѣльныхъ ея членовъ.
Но въдъ поступки юридическаго лица управляются
коллективной волей его, отличной отъ индивидуаль-
ной воли его членовъ, а потому примѣненіе уголов-
ной кары къ отдѣльнымъ лицамъ за то только, что
они состоятъ членами извѣстнаго юридическаго
лица, совершившаго тотъ или другой юридическій
актъ, представляется уклоненіемъ отъ основнаго на-
чала уголовного права, по которому каждый отвѣ-

чаетъ только за свои личные поступки, а не за по-
ступки той общественной группы, къ которой онъ
принадлежитъ. Во всякомъ случаѣ и тѣ криминали-
сты, которые, вопреки господствующему и усвоенному
нашей судебной практикой мнѣнію, считаютъ воз-
можнымъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, признать юри-
дическое лицо виновникомъ преступнаго дѣянія или
допустить отвѣтственность его за учиненное въ уго-
ловномъ порядкѣ, всегда имѣютъ въ виду отвѣт-
ственность юридическаго лица за дѣйствія своихъ
органовъ (напр. клуба за дѣйствія старшинъ и т. п.)
или вообще входящихъ въ его составъ лицъ, но ни-
какъ не обратное—отвѣтственность отдѣльныхъ чле-
новъ за дѣйствія юридическаго лица.

Съ другой стороны, если даже признать, что оба
подсудимые не только подчинились волѣ большин-
ства, а сами принимали активное участіе въ соглаше-
ніи членовъ артели о прекращеніи работъ, то къ ихъ
дѣянію ст. 1358¹ все же едва-ли можетъ быть пра-
вильно примѣнена. Для этого должна быть на лицо
стачка, т. е. преступное соглашеніе; между тѣмъ со-
глашеніе между членами артели не можетъ быть
поставлено имъ въ вину, ибо это соглашеніе яв-
ляется формой, условіемъ существованія артели. Этотъ
доводъ защиты палата оставила безъ отвѣта, не-
смотря на то, что онъ тѣсно связанъ съ тѣми сообра-
женіями уголовной политики, которыя были поло-
жены въ основаніе законовъ объ уголовномъ пре-
слѣдованіи стачекъ. Какъ можно видѣть изъ сообра-
женій редакціонной комиссіи по составленію новаго
уложенія, причиной уголовного преслѣдованія ста-
чекъ признается та опасность для общества, кото-
рую представляетъ одновременное прекращеніе ра-
боты *массою* рабочихъ, причемъ между ними уста-
навливается извѣстная связь. Соглашеніе между *от-
дѣльными* рабочими можетъ охватить неограничен-
ный кругъ лицъ и *создать* массу участниковъ. Но
разъ дѣло идетъ о прекращеніи работъ *артею*, и
только этой артелью, то число лицъ, прекратив-
шихъ работу, всегда строго ограничено заранѣе
установленнымъ числомъ ея членовъ, которое зави-
ситъ отъ фабричной администраціи и, по существу
дѣла, не можетъ быть велико. Поэтому преслѣдова-
ніе артели, не исполнившей договора, въ порядкѣ
ст. 1358¹ ул. всегда можетъ привести, какъ въ дан-
номъ случаѣ, къ нелишнему комизму обвиненію
въ стачкѣ двоихъ, троихъ человекъ.

Ошибочный выводъ судебной палаты обуслови-
вается тѣмъ, что ею совершенно упущены изъ виду
тѣ особенности, кои обуславливаются заключеніемъ
договора не съ отдѣльными рабочими, но съ артелью.
Заклучивъ такой договоръ, фабрикантъ заявилъ
согласіе имѣть дѣло не съ отдѣльными рабочими,
но съ совокупностью лицъ, образующихъ во всемъ
нѣчто единое. Въ силу существа этого договора не-
возможны особыя соглашенія въ его дополненіе и
измѣненіе со стороны фабриканта съ отдѣльными
артельщиками, ибо такія соглашенія не будутъ обя-
зательны для артели. Съ другой стороны, отказъ от-
дѣльныхъ членовъ артели отъ дальнѣйшей согласно
договору работы не имѣютъ никакого значенія для
фабриканта, ибо артель, въ силу круговой поруки,
остается отвѣтственной за такого артельщика, такъ
что такой отказъ не будетъ для фабриканта отка-
зомъ контрагента отъ выполненія принятыхъ имъ
на себя обязательствъ. Такъ обр., артель можетъ от-
казаться отъ работъ только артельнымъ дѣйствіемъ,
которое имѣетъ совершенно такой же характеръ, какъ
и личное дѣйствіе отдѣльнаго физическаго лица и
должно влечь за собой тѣ же послѣдствія. Рѣшеніе
судебной палаты приводитъ къ совершенно невоз-

можному положенію: артель, какъ контрагентъ, лишается тѣхъ правъ, которыя имѣетъ каждое физическое лицо въ качествѣ контрагента, и сама по себѣ совмѣстная дѣятельность артельщиковъ, которая является необходимымъ условіемъ обязательности дѣйствій артельщиковъ для артели, становится претрушениемъ.

Остерскій уѣздный сѣздъ.

Возстановленіе нарушеннаго владѣнія.

Въ № 9 „Права“ (стр. 465, 466) приведенъ случай трижды кассированнаго Черниговскимъ губ. присутствіемъ рѣшенія по дѣлу о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Мы указали при этомъ, что отбѣныя трижды рѣшенія уѣздныхъ сѣздовъ, которые пришли къ заключенію, что въ разсматриваемомъ случаѣ не было мѣста иску о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, губернское присутствіе не дало четвертому сѣзду рѣшительно никакихъ указаній для разрѣшенія этого вопроса и что при такихъ условіяхъ трудно предугадать, когда окончится споръ, дліяющійся уже болѣе двухъ лѣтъ, и окончится ли онъ вообще когда нибудь.

Состоявшееся нынѣ рѣшеніе 4-го Остерскаго сѣзда какъ нельзя рѣзче подтверждаетъ наши опасенія. Для надлежащей оцѣнки этого послѣдняго рѣшенія мы считаемъ необходимымъ сопоставить его съ исковыми требованіями, какъ они въ этомъ рѣшеніи изложены: „Двор. М. жаловался земск. начальнику 3 уч. Черниг. у., что жена д. с. с. К., съ октября 1896 года, распорядилась принять его плетни, стоящія на его земль, смежной съ ея усадьбой въ с. Гр., и выгородила въ свою усадьбу его канаву вмѣстѣ съ вербами, насаженными имъ 23 года назадъ, чѣмъ К. нарушила его владѣніе смежнымъ съ ея усадьбой огородомъ, — просилъ возстановить его владѣніе и обязать К. постановить на мѣсто принятые его плетни, а также присудить въ его пользу судебныя и за веденіе дѣла издержки.“

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло и выслушавъ объясненіе истца, уѣздный сѣздъ находитъ, что показаніемъ свидѣтеля П. въ связи съ тѣмъ, что сама К. не отрицаетъ того, что она могла поставить свой новый плетень на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ плетень М., только съ разрѣшенія сего послѣдняго, *исковыя требованія М. являются вполне доказанными*, а то обстоятельство, что будто плетень поставленъ К. съ разрѣшенія М., опровергается показаніемъ свидѣтеля М., который утверждаетъ, что въ его присутствіи и въ присутствіи К-й М. спорилъ за (?) постановку новыхъ плетней, да и въ самомъ дѣлѣ, если бы плетень былъ поставленъ съ разрѣшенія М-а и К. не претендовала на очутившуюся такимъ образомъ за плетнемъ къ ея усадьбѣ части земли, то едва ли было бы и мѣсто настоящему процессу, что же касается показаній свидѣтелей о томъ, что новый плетень былъ поставленъ на мѣстѣ стараго, то эти показанія *ровно никакого значенія не могутъ имѣть, такъ какъ и за старымъ плетнемъ къ усадьбѣ К. могла находиться и дѣйствительно находилась по показанію свидѣтеля П-аго, полоса земли (канавы съ насыпью), принадлежащая М., такъ какъ самый плетень могъ стоять не на межѣ, а лишь для удобства могъ быть возведенъ на насыпи канавы, каковая насыпь при вырытіи канавы сдѣлана была въ сторону огорода М., вслѣдствіе чего рѣшеніе земскаго начальника 3 уч. Черниговскаго уѣзда*

по сему дѣлу, какъ правильное должно быть утверждено, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что владѣніе М. должно быть возстановлено въ длину на всемъ пространствѣ отъ сѣверо-западнаго угла усадьбы К. до старой канавы ея, К., на протяженіи не 35 аршинъ, а согласно исковыхъ требованій около 20 аршинъ, причѣмъ съ К. должны быть присуждены въ пользу М., согласно его просьбѣ, судебныя и за веденіе дѣла издержки апелляціоннаго производства, размѣръ коихъ будетъ справедливымъ въ данномъ случаѣ опредѣлить въ 20 рублей, просьба же сторонъ о производствѣ мѣстнаго осмотра является незаслуживающею уваженія, такъ какъ означенный осмотръ представляется совершенно излишнимъ, *ибо то обстоятельство, что новый плетень поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ и старій, является въ ономъ бесспорнымъ*, а между тѣмъ только для выясненія этого обстоятельства повѣренный К-ской и просилъ о производствѣ осмотра на мѣстѣ, М. же вовсе не указано, съ какой цѣлью долженъ быть произведенъ вышеозначенный осмотръ, а потому и на основаніи 57, 88, 117 и 124 ст. прав. 29 декабря 1889 года опредѣлилъ: рѣшеніе земскаго начальника 3 уч. Черниговскаго уѣзда утвердить, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что владѣніе дворянина М. должно быть возстановлено въ длину отъ сѣверо-западнаго угла усадьбы жены дѣйств. ст. сов. К. до старой канавы ея, К., на протяженіи около 20 аршинъ. ■

Напомнимъ, что земскій начальникъ опредѣлилъ: возстановить нарушенное К. владѣніе частью огорода М., въ с. Гр., въ ширину на три аршина, а въ длину отъ сѣверо-западнаго угла усадьбы К. до старой канавы К-ой, на протяженіи около 35 аршинъ, обязавъ К. постановить на мѣстѣ принятые ею плетни.

Итакъ, оказывается, что истецъ жаловался на то, что отвѣтчица въ октябрѣ 1896 г. сняла его плетень и вгородила въ свою усадьбу его канаву. Сѣздъ признаетъ бесспорнымъ, что новый плетень поставленъ на мѣстѣ стараго, иначе говоря, что нарушеніе владѣнія въ октябрѣ 1896 г. не произошло. Тѣмъ не менѣе сѣздъ обязываетъ отвѣтчицу поставить на мѣсто принятые ею плетни, которые, по словамъ сѣзда, на томъ же мѣстѣ и стоятъ, и возстановить нарушенное владѣніе, которое нарушено не было. „Самъ и не самъ, убитъ, но живъ; безвиненъ, но виновенъ“.—Впрочемъ, сѣздъ указываетъ, что обстоятельство постановки новаго плетня на мѣстѣ стараго ровно никакого значенія не можетъ имѣть, такъ какъ и за старымъ плетнемъ къ усадьбѣ К. могла находиться и дѣйствительно находилась полоса земли, принадлежащая М.—Но, можетъ быть, за старымъ плетнемъ находилась земля, принадлежащая истцу? Все эти вопросы, вѣроятно, вновь въ 4-й разъ будутъ представлены вниманію кассационной инстанціи новѣйшей формации, но будутъ ли они еще разрѣшены и такъ ли, какъ до сихъ поръ училъ по этому вопросу Пр. Сенатъ, остается, къ сожалѣнію, еще неизвѣстнымъ.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ.

Департаментъ желѣзныхъ дорогъ министерства путей сообщенія.

(Циркуляръ 4—5 марта 1899 г. № 3688).

17 января 1892 г. департаментъ желѣзныхъ дорогъ, „признавая неудовлетворительнымъ то положеніе, въ которомъ находится въ настоящее время торговля произведеніями печати на желѣзныхъ дорогахъ, въ видахъ урегулированія началъ, на коихъ таковая должна производиться, съ цѣлью достиженія тѣмъ улучшенія оной“, циркуляромъ № 684 предложилъ желѣзнымъ дорогамъ при вызовѣ желающихъ арендовать право книжной и газетной торговли на дорогахъ и при составленіи самыхъ договоровъ объ арендѣ руководствоваться цѣлымъ рядомъ правилъ, причемъ на правительственныхъ инспекторовъ возлагалась обязанность наблюдать за точнымъ ихъ исполненіемъ. Правила эти предписываютъ желѣзнымъ дорогамъ, при разрѣшеніи вопроса о выборѣ конкурентовъ, руководствоваться не только высотой предлагаемой ими арендной платы, но также, и притомъ главнымъ образомъ, интересами публики: числомъ изданій, которыя арендаторъ обязывается держать, числомъ мѣстъ продажи, высотой продажной цѣны экземпляровъ газетъ и журналовъ, и т. п. Кроме того, желѣзнымъ дорогамъ предложено включать въ договоры условіе о начетахъ, которымъ она можетъ подвергнуться арендатора за неисполненіе условій контракта, за невѣжливое обращеніе съ публикою и т. п.

Нынѣ, въ дополненіе къ этому циркуляру 17 янв. 1892 г., департаментъ желѣзныхъ дорогъ издалъ слѣдующее распоряженіе:

„Въ виду поступающихъ въ министерство путей сообщенія жалобъ на несоблюденіе нѣкоторыми дорогами вышеупомянутаго циркуляра, департаментъ желѣзныхъ дорогъ, по приказанію господина министра путей сообщенія, предлагаетъ совѣтамъ управленій, правленіямъ желѣзнодорожныхъ обществъ, директорамъ и управляющимъ желѣзныхъ дорогъ представлять на разсмотрѣніе и утвержденіе департамента желѣзныхъ дорогъ проекты договоровъ, заключаемыхъ дорогами съ контрагентами на право производства книжной и газетной торговли на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, съ указаніемъ (во исполненіе циркуляра отъ 17 янв. 1892 г. за № 684), когда и въ какихъ именно газетахъ дѣлалась публикація о вызовѣ желающихъ арендовать право торговли произведеніями печати и объясненіемъ мотивовъ, послужившихъ къ выбору того или другого контрагента“.

Въ обоснованіе требованія своего — представлять на утвержденіе департамента желѣзныхъ дорогъ проекты заключаемыхъ арендныхъ договоровъ — департаментъ не привелъ никакой ссылки на существующія узаконенія, и, по нашему мнѣнію, требованіе это въ дѣйствительности является не основаннымъ ни на какомъ постановленіи закона упраздненіемъ хозяйственной самостоятельности желѣзныхъ дорогъ.

Конечно, договоры, заключаемые желѣзными дорогами съ тѣми или другими лицами, могутъ быть подчинены извѣстнымъ условіямъ, извѣстнымъ правиламъ, устанавливаемымъ, смотря по характеру

ихъ, или въ законодательномъ, или въ административномъ порядкѣ. Несоблюденіе дорогами этихъ правилъ можетъ быть связано съ тѣми или другими юридическими послѣдствіями. Но во имя того, что заключенный договоръ долженъ удовлетворять извѣстнымъ устанавливаемымъ министерствомъ путей сообщенія условіямъ, это министерство, если только того не предписано самимъ закономъ, не можетъ требовать, чтобы имъ утверждались договоры, заключаемые желѣзными дорогами съ каждымъ отдѣльнымъ контрагентомъ, или, что на практикѣ сводилось бы къ тому же самому, того, чтобы дороги не смѣли заключать ни одного договора безъ того, чтобы проектъ даннаго договора съ даннымъ лицомъ не былъ предварительно утвержденъ министерствомъ.

Повидимому, до настоящаго времени и само министерство путей сообщенія держалось этого взгляда на существо своихъ полномочій. Такъ напр., министерство, весьма подробно регламентировавъ условія, которымъ должны удовлетворять договоры о содержаніи станціонныхъ буфетовъ, всегда предоставляло совѣтамъ управленій и правленіямъ желѣзныхъ дорогъ и составленіе проектовъ договоровъ съ отдѣльными лицами и самое утвержденіе этихъ договоровъ (постановленія министра путей сообщенія отъ 23 марта 1874 г. № 50; 31 мая 1882 г. № 5264; 18 окт. 1889 г. № 11714; 2—3 мая 1894 г. № 7586, и др.). Точно также и въ дѣло заключенія договоровъ о сдачѣ въ аренду частнымъ лицамъ свободныхъ участковъ земли, отчужденныхъ подъ желѣзныя дороги, министерство или вовсе не входило (если срокъ аренды не болѣе года), или же, если срокъ аренды болѣе продолжителенъ, то утверждаетъ лишь проектъ нормальныхъ договоровъ, выработанныхъ дорогами, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проектъ договора съ даннымъ лицомъ составляется и утверждается самою дорогою, безо всякаго участія министерства. (Циркуляръ 18 марта 1897 г. № 4964).

Несомнѣнно, что требованія представлять, на утвержденіе министерства выработанные дорогою, согласно указаніямъ правительства, нормальные договоры является крайнею формою того вмѣшательства, на которое имѣетъ право министерство путей сообщенія относительно еще не заключенныхъ дорогою договоровъ.

Требованіе же, чтобы желѣзныя дороги представляли на утвержденіе министерства проекты договоровъ съ каждымъ отдѣльнымъ контрагентомъ, является чуть-ли не полною замѣною управленія дорогами департаментомъ министерства. Это уже не контроль надъ распоряженіями и сдѣлками, совершенными дорогою, не указаніе ей тѣхъ началъ, которыми она должна руководиться, а полное уничтоженіе ея самостоятельности, обращеніе управленія дорогами въ исполнительный органъ департамента желѣзныхъ дорогъ, — въ органъ, подписывающей контракты и договоры въ той формѣ, въ какой онъ для даннаго конкретнаго случая, для даннаго контрагента, утвержденъ департаментомъ.

Разсматриваемый циркуляръ не только противорѣчитъ тому началу децентрализаціи, которое въ дѣлѣ управленія желѣзными дорогами признано было самимъ министерствомъ (при послѣдней его реформѣ) необходимымъ даже и для правительственныхъ учреждений, не только не можетъ быть подкрѣплено никакими ссылками на дѣйствующіе законы и уставы частныхъ желѣзныхъ дорогъ, но и находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій съ предоставленною законами желѣзнымъ дорогамъ самостоятельностью въ хозяйственномъ отношеніи.

Список дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 10 мая, по 3 Департ.

Апелляціонное: К. и Г. Каудзе о конкурсахъ П. Каудзе.
Частныя: Горобинскаго о возвращеніи жалобъ; прошеніе Михальской объ оспид. умств. способностей мужа ея; прошеніе Соколовыхъ; прошеніе Карповой и др. объ исполненіи указа Правит. Сената; о продажѣ, залогѣ и перезалогѣ недвижим. имуществомъ наследниковъ: Гангардтъ; Иванова; Каменки; Щастнаго; Милоковыхъ; Казакова; Бѣловой; малолѣтнихъ: Клименко; Чарыковой; Кайнарскаго; Малментьева; Манасейна; Лапчинскаго; объ оспид. умств. способ.: Едемева; Лосинскаго; Герасименка; Яцинскаго; Минаева; Кубышкиной; Остромецкаго; Нарушевичъ; Шевченко; Шумятскаго; Спирядскаго; Оголѣва.

На 13 мая, по 3 Департ.

Апелляціонныя: о специальномъ размежеваніи дачи подъ названіемъ деревень Лазаревой и Анохиной; о возоб. границы и межев. признаковъ писцовой церковной земли села Сопчина назыв. пожни Пустошки и Трубы; о возоблагодѣніи границы и межев. признаковъ оставшейся за надѣломъ земли въ дачахъ селца Ильинки и селца Ржавки слоб. Петровка тоуж; о возоб. межев. признаковъ 54 части отхож. сѣнныхъ покосовъ и лѣса при рѣкѣ Ухтѣ; о возоб. межев. признаковъ дачи дер. Стрѣльниковаго починка.

Частныя: о порядкѣ специального межеванія резешскихъ дачъ Бессарабск. губ.; ж. Андреевскаго объ утвержденіи обмежеванія имѣнія „Ляховичи“; о взысканіи съ владѣльцевъ Кричевской дачи задѣльной платы за съемку ситуации той дачи на общій планъ; ж. Лиспина объ уничтоженіи межев. признаковъ; прошеніе Чимиринскаго и Демянчука о возоблагодѣніи срока; о продажѣ и залогѣ недвижимыхъ имущ. малолѣтнихъ: Ангелиди; Кандыбки; Нердичайлова; Мавриной; Воробьева; Шмакова; Цыгоева; Сонданса; Телѣжниковой; Тропкаго; Сенотовича; объ оспид. умств. способ.: Ожуневой; Карѣевой; Нефедовой; Дубровина.

На 13 мая, по 1 экспед. 4 Департ.

Апелляц. по искамъ: Московск. международнаго торг. банка къ администраціи по дд. Викторова о присужденіи 4,526 р. 2 к. съ %; Московск. учетнаго банка къ администраціи по дд. Викторова 8,248 р. 37 к. съ %; Шильдбаха къ Пугачевскому о понужденіи послѣдняго къ платежу 26,306 р. 2 к. за убытки и по встрѣчному иску по договору о 100,000 р.; Киселевой къ наследникамъ умершаго Морозова объ отчетѣ; торг. дома „Штекеръ и Циммеръ“ къ пароходству „Масисъ“ о платежѣ за убытки 3,303 р. съ %; товар-ва нефтянаго производства „бр. Нобель“ съ товар-ва русско-американск. нефтянаго производства о платежѣ за товаръ 8,000 р. съ %; Щеглова къ администраціи по дд. Ованнесьянца о возвратѣ двухъ векселей на сумму 3,373 р. 25 к. или платежѣ ихъ стоимости съ %; Романова къ Украинской биржевой артели о платежѣ 3,173 р. съ %; Федорова къ общ. биржевой Московско-Ярославско-Архангельск. желѣзнодорожной артели о признаніи за нимъ права собственности на принадлежащее артельному мѣсто въ означенной артели; Савостина къ общ. биржевой Московско-Ярославско-Архангельск. желѣзнодорожной артели о признаніи за нимъ права собственности на принадлежащее ему артельному мѣсто въ означенной артели; Пуришева съ Самгина 15,000 р. съ %; Корнилова къ конкурсному управл. по дд. несостоят. должниковъ Глушковыхъ о признаніи претензій по векселямъ въ суммѣ 4,900 р.; пов. конкурен. управл. по дд. несостоят. торг. дома „А. И. Сергѣева и К^о“ къ Сергѣеву о платежѣ по торг. книгамъ 12,852 р. 62 к. съ %; попечителя по дд. несостоят. Воборыкина и кредиторовъ Воборыкина, Трубицина и др. съ Селивачева 4,500 р. съ %.

Частныя: по жалобамъ на Московск. коммерческ. судъ: пов. росейск. общ. транспортированія кладей; Семенкова; пов. торг. дома „Г. Кешепъ и К^о“; пов. администраціи по дд. Жернакова; пов. администраціи по дд. Ованнесьянца (13 дѣлъ); пов. опеки надъ имуществомъ Степанова; пов. Акбулатова; Кудрина; пов. Орлова; пов. Ивакина; представленіе Моск. комм. суда по дѣлу товар-ва Антонъ Эрландеръ и К^о съ админ-ціей по дд. Ованнесьянца; по рапортамъ Моск. комм. суда: торг. дома „С. К. Туманянцъ и К^о“; Салазкинхъ съ конкурен. управл. по дд. Кононова; Власова съ Мазуринской бирж. артели; о продажѣ недвиж. имуществовъ: Комара; Гофмана; Дымаковскаго; Устиновыхъ; Пуховской; Шугаевой; Шклиба; Бударкиныхъ; Слѣпцовыхъ; Анковой; Макарова; о перезалогѣ имущества Неживаго; объ оспид. умств.

способ.: Балавинскаго; Карвовской; Нетцель; объ изьясненіи Высочайшаго повелѣнія по дѣлу Пыпулина съ Бромлеемъ.

На 11 мая, по 5 Департаменту.

Арест.: о Колмаковѣ въ кражѣ; о Хруцкомъ и Ивановѣ въ покуш. на 4 кражу; о Костровѣ въ поддѣлкѣ серебряной монеты; о Шеретобитовѣ въ подлогѣ; о Коксалбаевѣ въ растратѣ; о Итаевѣ въ грабежѣ; о Ругинскомъ въ вымогательствѣ; о Абдулсатаровѣ и др. въ составленіи шайки для кражъ.

Уголовное: о Березовскомъ по 347 ст. ул.

Частныя: жал. Антонова и Рѣпина; пром. Щегалева; жал. Рулева; жал. Базатѣва.

На 11 мая, по Угол. Касс. Департ.

По жал. крест. Михаила Матерухина, на приг. Вологод. окр. суда по обв. по 182 и 210 ст. улож. о нах.; по прот. и о тов. прок. Иркутской суд. палаты и по жал. Степана Красикова на приг. пал. по обв. по 286 ст. улож. о нах.; по жал. повѣр. нач. Вилен. тамож. окр. Матушевича на приговоръ Виленской суд. пал. по обв. мѣщ. Ицки Эфрона по 1522 ст. тамож. уст.; по жал. упр. госуд. имущ. Прибалтійскихъ губ. на приг. Фридрихштадтъ-Иллуекскаго мир. сѣзда по обв. крест. Яна Медне по 146¹ ст. уст. о нах.; по жал. упр. госуд. имущ. Вольнской губ. на приг. Овручкаго мир. сѣзда по обв. мѣщ. Павла Мейнарвича по 574 ст. уст. о нах.

На 13 мая, по 1 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: упр. акц. сб. Спб. о. с. по обв. Дроздова; упр. акц. сб. Пюцк. 2 окр. м. с. по обв. Сегала; Саутнера Симферопольск. о. с.; Рабиновичъ Таращанск. м. с.; Валода Р.-Вольмарск. м. с.; Липовскаго Могилевск. м. с.; Воброва Пинск. м. с.; Мыдмана З.-Острожск. м. с.; Куракина Московск. ст. м. с.; Мещерскаго Херсонск. о. с.; Громъ Бйск. м. с.; Казарова Екатеринодарск. м. с.; Врю Оршанск. м. с.; упр. акц. сб. Калишск. 2 окр. м. с. по обв. Корека; Берштейнъ Люблинск. 2 окр. м. с.; Некрасова Московск. ст. м. с. (2 дѣла); Морозова Владимірс. о. с.; Мольвера Литинск. м. с.; Куриннаго Лубенск. о. с.; Злоцковскаго Новогрудск. м. с.; упр. акц. сб. Спб. ст. м. с. по обв. Зелинской; Осина Нензенск. о. с.; упр. акц. сб. Слонимск. м. с. по обв. Липениковъ; Браковскаго Елисаветградск. о. с.; Гарбера Двинск. м. с., — всё по обв. въ наруш. лит. уст.; Гурвича Виленск. с. п.; Вейнера Астраханск. гор. м. с.; Поляка Люблинск. 1 окр. м. с.; Розенкрейна Ровенск. м. с.; Лернера Сѣдлецк. 2 окр. м. с.; Величико Новогрудск. м. с.; Тапѣва Спб. ст. м. с.; Хотуншевой Тельшевск. м. с.; Мушницкаго В.-Литовск. м. с.; Сироты Вердичевск. м. с., — всё по обв. въ наруш. строит. уст.; Недоспаева Троицк. о. с. 169 и 171 ст. ул.; Гольденштейна Елисаветградск. о. с. въ наруш. таб. уст.; Лаврена Саратовск. о. с. 170¹ ст. ул.; Жиденева на опред. Московск. ст. м. с.; Долгова Троицк. о. с. по обв. Вотова по 1642 ст. ул.; Розенблята Варшавск. с. п. 1542 и 1522 тамож. у.; Хамитова Самарск. о. с. по обв. Петрова и др. по 172 ст. ул.; Дѣдуховой Спб. с. п. 1522 и 1538 тамож. у.; Домковскаго Люблинск. 1 окр. м. с. 41 ст. ул.; Пирогова Саратовск. м. с. 148 ст. ул.; Ирхина и др. Саратовск. м. с. 170 ст. ул.; упр. акц. сб. Елисаветградск. о. с. по обв. Вердичевскаго по 1061 таб. у.

Протесты: товарищей прокур.: на Варшавск. с. п. по обв. Настурція въ водвореніи контрабанды; на Пензенск. о. с. по обв. Варабишкиной по 1606 ст. ул.; на Оренбургск. м. с. по обв. Бондаревой по 1451 ст. ул.; на Московск. с. п. по обв. Неймаркъ по 1171 ст. ул.

На 15 мая, по 2 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Миллеръ Ковенск. м. с. по обв. Алиевскихъ по 142 ст. ул.; Вакуловыхъ Литинск. м. с. 142 ст. ул.; Денищика и Васильева Слонимск. м. с. 31 и 38 ст. ул.; Чудовскаго Слонимск. м. с. 130, 134 и 142 ст. ул.; Скакодуба Гайсинск. м. с. по обв. Вдовиченко по 142 ст. ул.; Кубая Луцк. м. с. 148 ст. ул.; Грищенко Гомельск. м. с. 174 ст.; Кособуцкихъ Лидск. м. с. 142 ст. ул.; Шинко Новогрудск. м. с. 134 ст. ул.; Сеключкаго Новогрудск. м. с. 142 ст. ул.; Вѣляцкаго Чериковск. м. с. 169 ст. ул.; Проскурвовскаго Проскурвовск. м. с. 172 и 177 ст. ул.; Корецкаго на опред. Тифлисс. с. п.; Виргамова Гомельск. м. с. 153 ст. ул.; Снисковичъ М.-Баусск. м. с. 47¹ и 180² ст. ул.; Муза Ровенск. м. с. укрывательство кражи; Варымовой Тульск. о. с. по обв. Вѣлова по 180² ст. ул.; Тесленко Нѣжинск. о. с. 169 и 170 ст. ул.; Варгошевичей Сморгонск. м. с. 142 ст. ул.; Томашевскаго Киевск. м. с.